

МАРИЯ
СЕМЁНОВА

АННА
ГУРОВА

АРАТТА

Книга 2

ЗАТМЕНИЕ

Мария Васильевна Семёнова
Анна Евгеньевна Гурова
Аратта. Книга 2. Затмение
Серия «Аратта», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33825415
Аратта. Книга 2. Затмение: Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-389-15087-4

Аннотация

Мир тысячелетия назад. Последние отступающие ледники, первые легендарные империи, мифические предки финнов и славян и чудом сохранившиеся реликты куда более древних эпох – все это мир великой Аратты и окружающих ее диких земель. Опасность угрожает живым богам Аратты, и самые отдаленные уголки обитаемого мира приходят в движение. Восстают племена, пробуждаются древние демоны, изгнанные столетия назад. Царевич Аюр возвращается в столицу с Великой Охоты. Ее нельзя назвать удачной – из всей многочисленной свиты уцелело лишь трое человек. Проклятие лесного оборотня преследует и самого царевича, и его спутников. Дома их встречают как врагов; всюду веет изменой. Одного вместо свадьбы ожидает смертельный бой, а другому предстоит столкнуться с темной магией северных бьяров. Каждому из

героев уготована судьба, о которой он прежде помыслить не мог: потерять и найти себя; защитить свое доброе имя; выступить против всех, отстаивая право на любовь. Цикл «Аратта» – первый опыт сотрудничества создательницы знаменитого сериала о Волкодаве и талантливой петербургской писательницы Анны Гуровой, автора книжных сериалов «Князь тишины», «Лунный воин», «Книга огня» и других популярных произведений фэнтезийного жанра.

Содержание

Пролог. Айха на Ползучих горах	6
Часть 1. Опустевший трон	22
Глава 1. Ярость Тарэн	22
Глава 2. В тайном саду	40
Глава 3. Путевая вежа	57
Глава 4. Звереныш	78
Глава 5. Возвращение в столицу	94
Глава 6. Смертельная обида	107
Глава 7. Святое Пламя	124
Глава 8. Мятежник	138
Конец ознакомительного фрагмента.	151

**Мария Семёнова,
Анна Гурова**

Аратта. Книга 2. Затмение

© М. Семёнова, А. Гурова, 2018

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог. Айха на Ползучих горах

Мамонт обвил хоботом невысокий кустик у самой земли, выдернул его с корнем и метко закинул за спину. Девушка поймала его и уткнулась лицом в мелкие лиловые соцветия, кистями украшающие мягкие ветки.

– Я уже не плачу, братец. Но мне очень грустно. Ты добрый и хороший.

Зверь согласно мотнул головой и протрубил, чтобы разогнать давящую тишину. Он не понимал, зачем его названной сестре эти цветы, если она их не ест, но чувствовал, что они дают ей утешение.

Путь, которым Айха и ее мамонт возвращались в родные края, обоим был хорошо знаком. Одна из тех неизменных троп, которыми люди Ползучих гор ходили из века в век, следуя за стадами быков, оленей и носорогов. Тем же путем вдоль реки уходили в низинные земли проводники охотников и наемные погонщики. Каждый камень тут был памятен Айхе с детства, и это хоть немного успокаивало ее. Мохначи никогда не кочуют поодиночке – а они с мамонтом были одни-одинешеньки. А с тех пор как под горами завелись огромные черви-землееды, ходить и вовсе стало опасно.

– Как здесь пусто, братец, как тоскливо, – пожаловалась девушка своему побратиму. – Звери ушли, и люди ушли. Хоть бы чей-то голос услышать!

Айхо фыркал и мотал хоботом, соглашаясь с ней. Он был тех же лет, что она, и тоже никуда не ходил прежде без сородичей.

Когда они вышли к знакомой реке, Айха немного приободрилась. Быстрая полноводная речушка, шумная и обжигающе холодная, бежала между тусклых пологих сопок по равнине, поросшей березовым стлаником. Она текла с полуночи на полдень, как и все реки на Ползучих горах. Девушка знала, что все они берут начало на белых вершинах гор, в земле долгой ночи и вечного льда, где обитают лишь аары и духи зверей. Туда же отправляются мертвые, чтобы встретить свою новую судьбу и родиться заново. Но Айха – не шаманка и не великий охотник, чтобы бросать вызов духам в их земле. Она просто хочет догнать свое племя – и ждать там Хасту...

«Айха, почему ты мало улыбаешься?» – услышала она вопрос побратима.

Девушка подняла голову, отвлекаясь от дум.

– Потому что мне грустно, братец. Но ты не тревожься. Это как когда охотники уходят на дальние плоскогорья добывать косматых быков и все племя беспокоится о них и зовет домой. Не так, как если охотники вернулись, а твой муж или брат – нет...

Голос девушки дрогнул. Побратим бережно погладил ее хоботом по волосам – и не представить, что этим же хоботом он мог бы легко зашвырнуть ее на ближайшую сопку, если

бы обезумел.

– Раньше-то я как думала? – заговорила Айха. – Так, как все девушки. Однажды встречу его и сразу пойму – вот он, лучший из молодых охотников! Он так красив – в мягкой одежде из пятнистой шкуры Прыгающего Сверху, на груди – бусы из его страшных клыков. У него волосы радостно золотятся, как первое теплое весеннее солнце. Его копье не ведает промаха, и он самый умелый целитель. Он – свирепый вождь в набеге на чужаков, надежный защитник детям и старикам своего рода в самую жестокую зиму. Со своим мамонтом они ближе, чем кровные братья, и готовы положить жизнь друг за друга...

Айха ненадолго задумалась, вспоминая последние дни своего путешествия с охотниками.

– Таким бы мог быть Аоранг. Он бы вырос вождем, если бы его ребенком не забрали и не искалечили люди Аратты. Они отняли у него род, имя, предков и память, они лишили его Огня Глаз и даже брата-мамонта! Они забрали все! А он и не понимает этого и считает, что очень хорошо живет у них. И еще сам пытался учить нас жить, как они, – когда тут впору броситься в ледяную трещину...

Она повздыхала над горькой судьбой Аоранга. Айхо кивнул и вздохнул вместе с ней, потому что понимал ее, как никто другой. Как можно вообще жить на Ползучих горах без побратима?!

– Мог ли ты подумать, что Айха выберет не охотника, а

шамана? – Девушка вновь обратилась мыслями к тому, кто поймал ее душу, будто силками. – Как это страшно и чудесно! Все матери твердят дочкам: хочешь в жизни счастья – не бери в мужья ни шамана, ни его сына, ни внука, ни племянника! Никто не знает, когда его призовут духи. Шаман – не вполне человек, им владеют аары, а не ты. Каждый миг они могут навсегда забрать его у тебя... Но я ничего не боюсь! Ведь это Хаста...

И Айха снова погрузилась в свои мечты. То покачиваясь в вышине на холке мамонта, то неутомимо шагая рядом с ним, девушка представляла, как она встретит обожаемого ею араттского шамана на пороге своей котты, усадит его на шкуру подле очага, сама сядет рядом и назовет его своим мужем. От этих мыслей веснушки еще ярче проступали на ее бледных щеках, а обветренные губы растягивались в широкой улыбке. И белый мамонт радовался за нее. Лишь бы сестра была счастлива!

– Эй, эй, хватит! – время от времени одергивала себя Айха. – Недаром говорят: будешь на охоте мечтать о брачных утехх – или зверь уйдет, или лыжи сломаются. Вперед, Айхо, скорее домой!

К закату вдруг подул ветер с полуночи, и начало быстро холодать. В остывающем воздухе снова разлилось некое предчувствие скорой перемены. Айха выбрала место повыше и посуше, с привычной ловкостью устроила ночлег – нарвала сухой травы и веток, разожгла костер, бросила

несколько комков сушеного мяса в подвешенное над углями кожаное ведро с водой... Мохначиха была крайне неприхотлива, но однообразная дорожная пища успела поднадоесть даже ей. Поглядев в сторону речки, Айха вспомнила, как Ха-ста ловил руками рыбу в ручье. Ах, если бы он был тут...

Солнце ушло за горы, и с темнеющего неба вдруг полетели, вспыхивая в отблесках костра, редкие снежинки. Первый снег! Айха обрадовалась неведь чему. А вот ее побратима, наоборот, что-то беспокоило. Девушка поняла это по его дыханию и пристальному взгляду, который он упорно обращал куда-то за реку, в сторону гряды низких сопок, хотя в темноте почти не видел. Она прислушалась и принялась, но за кругом света не было заметно ни звука, ни движения.

– Айхо, не бойся, – ласково сказала она. – Там никого нет. Это просто ветер.

Она подкинула веток в огонь, поглядела на кучу хвороста, чтобы убедиться, что ее хватит до утра. Не маловата ли куча? Ветки быстро прогорают...

Айхо переступал с ноги на ногу, фыркал, мотал головой и крутил хоботом.

– Перестань! Думаешь, мне не страшно? – хмурясь, проговорила Айха.

Она могла бы говорить с ним мысленно – побратим услышал бы ее. Но молодому мамонту хотелось слышать звук ее голоса, и она это тоже знала.

– Не тревожься, братец. Ты должен быть силен и споко-

ен. Ведь ты – хранитель моей души, а я твоей. Если мы не будем хранить друг друга, как мы доберемся до дому? – Айха подбросила в огонь сухую березовую ветку. – Хочешь, я расскажу тебе, как охотник искал солнце? Однажды, в самые первые времена, солнце закатилось и больше не вставало. Наступила долгая ночь. Люди очень испугались. И вот один охотник, самый смелый, сказал: я пойду в землю духов и найду солнце! Долго он шел во тьме на лыжах через снежные горы. Вдруг глядь – впереди яркий огонь. Подходит и видит большую котту, крытую шкурами небесных оленей. А в нем в очаге вместо огня – солнце сияет! А возле очага сидит женщина-мамонтиха и греется. Она была очень красивая, вся с ног до головы покрытая мягкой длинной шерстью, с белоснежными бивнями. Увидел ее охотник и говорит: «Отдай мне солнце!» – «А как же я буду греться?» – спрашивает она. «Я буду тебя греть!» – ответил охотник. И он остался у нее и взял ее в жены...

Айха призадумалась и некоторое время сидела, опустив подбородок на руки, глядя в костер и улыбаясь.

– Слышишь, Айхо? Мы с тобой кровные родичи, ведь тот охотник был наш общий предок! – потряхнув головой, продолжала она. – А знаешь, что было потом? Охотник жил с мамонтихой счастливо в тепле и сытости, но со временем заскучал. Он все время думал о своем племени и тосковал по нему. И тогда он встал однажды ночью, пока его жена спала, древком копья выкатил из очага солнце... Что там?

Айхо опять смотрел в темноту.

– Там кто-то есть, – произнесла Айха, быстро протягивая руку к копыю и уже не спрашивая, а утверждая.

Теперь она и сама в этом не сомневалась. Кто-то смотрел из темноты на мамонта. И взгляд этот... Нет, он не был враждебным. Разве враждебно смотрят на долгожданную сытную трапезу?

«Да, я тут. Мне нужно живое мясо», – услышала она.

Держа копые, Айха встала и низким, рычащим голосом начала говорить тому, кто смотрел на ее побратима алчущим взглядом:

– Пошел вон! Ищи еду в другом месте!

Она вложила в голос всю свирепость и угрожающе подняла копые.

Тот, кто смотрел из мрака, не сразу, но послушался. Ощущение голодного взгляда пропало. Айха так и не разглядела, кто это был, а его запах ветер сносил в другую сторону.

– Враг ушел, – сказала она, опуская копые. – Слышишь, Айхо? Я прогнала его.

Но мамонт так и простоял всю ночь в полудреме, настоженно развесив уши в сторону реки.

Айха проснулась на рассвете оттого, что у нее замерз кончик носа. Над сопками разливалось сияние, повсюду искрились застывшие капли воды. Распадок был покрыт слепящим белым снегом, который вскоре превратился в хрусткую ледяную корку. Когда солнце поднялось высоко, стало теплее, и

корка растаяла. Но прежде чем она исчезла, Айха нашла следы на замерзшем снегу. Это были следы Прыгающего Сверху – зверя, которого охотники Аратты называли саблезубцем.

Тропа вела дальше в сопки, забиралась все выше. Река понемногу мелела, превращаясь в ручей, скачущий среди валунов и скал. Айха уже не мурлыкала себе под нос песни и не предавалась мечтам о Хасте. Всякий раз, как сопки сближались и тропа оказывалась зажата в ущелье, девушка стискивала в руке копье, вглядывалась в нависающие скалы, прислушиваясь и принюхиваясь. Она не сомневалась, что саблезубец их преследует. Или – саблезубцы?

Этот вопрос очень беспокоил ее. Одиночка или стая? Она чувствовала присутствие по крайней мере одного зверя. У саблезубцев все не как у людей. Человеческий род держится вокруг матери, а саблезубец обычно живет один. Но в плохие, голодные годы к нему порой присоединяются родичи – сыновья или младшие братья, которые пока не настолько сильны, чтобы бросить ему вызов. Тогда они охотятся стей, и встретить их – беда. К счастью, такое бывает редко. У Прыгающего Сверху такой свирепый нрав, что он не выносит рядом с собой никого, кто ему не повинуется, и сам никому покоряться не желает.

Следы были огромные, отпечатки передних лап – больше задних. Однако других следов Айха не нашла. Стало быть,

это самец-одиночка и он заприметил себе Айхо. Молодой мамонт, отставший от стада, – желанная добыча для матерого зверя. Приглядевшись к следам, она заметила еще кое-что. Отпечаток одной из лап был слабее прочих. Значит, зверь берег ее, старался не наступать. Это немного обнадежило Айху. С раненым зверем справиться легче. Ясно теперь, почему он не ушел вместе с прочими. Но как же он, должно быть, голоден!

Преследователь шел за ними весь день, обходя то с одной стороны, то с другой, но ни разу не показался. Когда начало вечереть, Айхе стало очень тревожно. Она вовсе перестала мечтать, как заживет с Хастой, и только вздрагивала от каждого шороха или порыва ветра. От постоянного ожидания нападения мохначка очень устала, но угроза никуда не делась, наоборот – все возрастала. Саблезубец как будто молча давил ей в спину тяжелым взглядом.

– Этот зверь очень ловкий охотник, Айхо. Он следит за нами весь день, но сам ни разу не показался, – сказала она побратиму, положив копьё поперек коленей и отчаянно зевая. Ее клонило в сон, но спать было нельзя. – Он идет так, чтобы ветер сносил его запах. Ох, братец, смотри не подпускай его близко!

Следующей ночью, уже под утро, они его наконец увидели. Первым саблезубца заметил мамонт – громко всхрапнув, он попятился, едва не угодив задом в костер. Дремавшая вполглаза Айха вскочила на ноги, схватив копьё. Прыга-

ющий Сверхху, прихрамывая, медленно вышел из-за торчавшей поодаль скалы и остановился, не сводя глаз с мохнатой горы мяса перед собой. Взгляд его был совершенно неподвижен, а нижняя челюсть подрагивала от алчности. Это был уже стареющий, но все еще могучий зверь, с широкой грудью и огромными желтоватыми клыками. Видно было, что девушки он не особенно опасается, хоть и не упускает из виду ее копья. Саблезубцы сторонились людей, потому что не понимали их. Люди то и дело придумывали против них что-то новое и опасное.

Айха изо всех сил стиснула древко. Она могла бы метнуть его в зверя и, скорее всего, попала бы, но сомневалась, что сможет нанести ему смертельную рану.

– Уходи, старик! – хрипло крикнула Айха, делая решительный шаг и поднимая копье. – Я тебе его не отдам! Брат моей матери убил пятерых твоих родичей! Видишь это копье? Я воткну его тебе в брюхо!

Прыгающий Сверхху скользнул по ней досадливым взглядом, чуть припал на передние лапы, опуская к земле голову, но не сводя глаз с мамонта, и начал медленно приближаться. Айху обожгло то ли страхом, то ли отчаянием. Этот зверь, даже раненый, чудовищно силен. Если он кинется на побратима, ей не остановить его...

– Может, я и не убью тебя, но искалечить сумею, – яростно заговорила она, отгоняя душевную слабость. – И куда ты дальше денешься? Будешь подыхать с голоду в сопках?

Саблезубец остановился, повернулся к ней и оскалился.

«Уходи, пока жива! Не мешай охотиться!»

Айха смотрела на его страшные клыки, подобные двум длинным костяным ножам, и ей хотелось плакать.

– Ждешь, когда я ослабну, да? Я из-за тебя не сплю уже вторую ночь. А когда я усну, нападешь?

«Не плачь, – запретила она себе. – Он того и хочет! Чтобы я злилась, начала метаться, бросилась в бегство... Стоять и ждать! А когда он кинется – шаг вперед, упасть на колено и ударить снизу в живот!»

Что хищник рано или поздно бросится, Айха уже не сомневалась. Она знала, как охотятся саблезубцы. Он может очень долго бродить вокруг да около, держась в безопасности и выжидая тот самый миг для единственного броска. Один точный удар клыками – а дальше можно отскочить и просто ждать, пока жертва истечет кровью.

Мамонт задрал хобот к сереющим небесам и громко затрубил, призывая сородичей. Но, кроме них с Айхой и клыкастого хищника, выбирающего миг для броска, в округе никого не было. Мамонту было очень страшно. Айха чувствовала это. Этот страх пытался достучаться до ее сердца, но она помнила с детства: как только дрогнешь, хищник непременно прыгнет. «Надо напасть самой, – решила вдруг она. – Ни один зверь не любит, когда добыча сама начинает на него охотиться!»

Айха сузила глаза в едва заметные щелки, с шумом выдохнула, прыгнула вперед и сделала выпад копьём. Она видела, как напряженно и резко подрагивает куцый хвост саблезубца. Зверь отскочил на полшага, оскалился ей в лицо и зарычал.

«Сейчас», – подумала Айха и с силой ткнула копьём в распахнутую пасть. Бронзовый наконечник, выменянный у охотников, лязгнул, скользнул по чему-то твердому, явно не причинив саблезубцу особого вреда. Но тот вдруг обиженно взревел, отскочил за камни и будто растворился в предутреннем тумане.

«Он успел захлопнуть пасть. – Айха разочарованно проводила взглядом саблезубца и опустила копьё. – Но все же я попала!»

Она наклонилась к земле – в сухой, уже пожухлой траве лежал окровавленный кривой зуб. Вот это да! От радости погонщица начала приплясывать на месте.

– Я его ранила и прогнала! – закричала она.

«Я возьму это с собой, повешу на шею, и когда Хаста придет – покажу ему! Конечно же, после такого он станет мне мужем, может, даже и не на одно время трав!

Она вдруг подумала – а если саблезубец вернется?

Но вокруг не было слышно ни звука. Девушка повернулась к своему побратиму.

– Видел? Он убежал! – радостно сообщила она. – Айха – сильная! Айха – храбрая! Айха будет хорошей женой!

Белый мамонт благодарно кивал и, выставив вперед согнутую ногу, предлагал ей взобраться ему на спину и продолжить путь.

– Айха победила саблезубца! – приплясывая, закричала девушка, и, обняв хобот своего любимца, прильнула к нему щекой. – Пойдем! Нам нужно спешить. Дома уже заждались!

Утром в разрывах серых туч проглянуло солнце, делая Ползучие горы не столь унылыми, какими они виделись перед рассветом. Словно желая вознаградить Айху за смелость, дневное светило начало ласково пригревать. Очень скоро покачивающаяся на спине мамонта девушка размо- ренно прикрыла глаза и, крепче схватившись за длинную шерсть на загривке своего побратима, уткнулась в нее лицом. Пребывая то ли в сладкой дремоте, то ли в мечтаниях о том дне, когда огневолосый Хаста обнимет ее и совершит то, о чем ей рассказывали мать и бабушка, Айха уже будто воочию видела, как все будет происходить, и улыбалась во сне.

Мамонт, послушный ее беззвучному приказу, шел неспешно, чтобы не трясти свою спасительницу. Она вдруг почувствовала, даже не успев это осознать, что Айхо замедлил шаг. Его тревога сразу передалась девушке. Она ощущала опасность, но не могла понять откуда.

– Что случилось? – спросила она, открывая глаза.

«Плохая земля, – отозвался побратим. – Под нами нет дна. А сверху...»

И в тот же миг мощная пятнистая туша с яростным ревом рухнула с уступа скалы, под которой они как раз остановились. Ударила плечом, сшибая девушку с холки мамонта. Айха взмахнула руками, но так и не успела поймать равновесие и с криком ужаса полетела наземь.

Саблезубец, напавший из засады, уже был на земле и готовился к следующему прыжку. Он невероятно широко распахнул пасть, чтобы ударить клыками мамонтову ногу под коленом – и отскочить, давая мохнатому великану упасть и больше не встать. Раскинув беспомощно руки, Айха падала, казалось, прямо на него. Ей казалось, что она уже чувствует спиной прикосновение клыков – но тут уютный надежный хобот подхватил ее в воздухе, высоко поднял и бережно поставил на тот самый уступ, с которого миг назад прыгнул саблезубец.

Все произошло так быстро, что Айха и понять толком ничего не успела. Удар, полет, рывок – и она уже стоит на скале, а у ее ног внизу белый мамонт жметя к скале и угрожающе размахивает хоботом, пытаясь не подпустить к себе голодного хищника. А тот кружится, стараясь зайти сбоку, отскакивает, рычит, готовясь вогнать клыки в сопротивляющуюся добычу.

– Уходи, уходи! Прочь!

Айха оглянулась, схватила лежащий поблизости увесистый камень и швырнула его вниз, стараясь попасть в саблезубца. Тот увернулся, но за первым камнем последовал еще

один и еще...

Вдруг скала, мгновение назад казавшаяся нерушимой, с долгим ужасающим грохотом поползла вниз, заваливая обратную дорогу.

Воздух потемнел от каменной пыли. Перепуганный саблезубец нелепо мявкнул и опрометью помчался прочь от этого злого места. Айха вновь запрыгала, радостно выкрикивая обидные прозвища для удирающего хищника.

Но внезапно замерла – ей почудилось, что рядом с ней кто-то есть.

Сквозь затихающий грохот осыпи, будто родник, пробивалась долгая, чистая, переливчатая трель.

Все волосы на коже Айхи встали дыбом.

Каменная пыль понемногу оседала, и вскоре мохначка разглядела на краю осыпи девочку-лесовичку. Ее сложно было не узнать – такие огненные волосы, похожие на пылающий костер, Айха в своей жизни встречала только у двух человек....

Девочка из леса стояла на камне, держа в руках большую, сделанную из полый кости дудку, и озиралась по сторонам. И все бы ничего, но за ее спиной, словно сами по себе, шевелились черные перепончатые крылья...

– Сгинь, нехороший дух! – испуганно вскрикнула Айха.

Услышав голос сестрицы, и без того встревоженный мамонт взревел и резко взмахнул хоботом, выбивая дудочку из призрачных, будто слепленных из тумана, пальцев рыжево-

лосого духа.

В тот же миг будто бы еще кто-то вмешался в их схватку. Небо внезапно словно заволокло черной тучей. Налетел, завыл ветер. Снова дрогнула земля. Воздух наполнился роко- том, покатались камни, поползла из-под ног земля... Испуганно затрубил Айхо, призывая названую сестру. Но мохнач- ка не могла шевельнуться. Она вжалась в скалу и зажмури- лась, мысленно призывая ааров своего рода себе на помощь.

Когда все утихло, Айха открыла глаза. Вокруг оседала пыль. Осталась груда камней, завалившая тропу, – и ника- ких следов девочки с черными крыльями.

Часть 1. Опустевший трон

Глава 1. Ярость Тарэн

– Смотрите! – закричал Аюр, указывая вдаль. – Вон там, за лесом, – видите, вспыхивает, словно звезда? Это же сияет купол главного храма Исвархи в Верхнем городе!

Дорога, которая с самого утра петляла среди перелесков и созревших полей, к полудню поднялась на высокий холм. С его голой, продуваемой ветром вершины открывался простор, на котором словно столкнулись в битве лес и степь. Справа до края земли, куда только падал взгляд, желтели травы; их пересекала нитка утоптанной дороги, по которой отряду предстояло ехать дальше. По левую руку на полночь уходил бескрайний хвойный лес.

Эта чащоба, длинным мысом врезавшаяся в поля, была самой южной оконечностью огромного лесного предела, который включал весь север Аратты и звался Бьярмой. Как будто огромный косматый зверь вытянул в сторону солнца зеленую лапу. Среди темной и мрачной зелени сосен, елей и лиственниц, словно вспышки пламени, золотились березы и багровели клены. В голубом небе, громоздясь, медленно плыли белые горы-облака. Когда они закрывали солнце, золотая искра в туманной дали за лесом исчезала. Когда солн-

це выходило – вспыхивала снова.

– Похоже, ты прав, – подтвердил Ширам, телохранитель царевича, а с недавних пор и его друг, ехавший с ним бок о бок.

– Неужели дом и впрямь так близок?

Аюр засмеялся от счастья.

Ширам неожиданно тепло улыбнулся подопечному. В душе он чувствовал почти то же, что и царевич. Наконец-то все позади! Охота Силы, пусть и омраченная гибелью почти всех ее участников, все же завершена. Пусть даже они возвращаются без славы и добычи... Но главное, царевич жив и здоров. Да и Аюр, изрядно повзрослевший в походе, уже больше не тот надменный и своенравный мальчишка, который покинул отцовский дом. Сейчас он гарцевал на буланом жеребце поблизости от накха, не скрывая обуревавшей его радости. Ширам старался сдерживать своего коня, чтобы не оказаться впереди наследника престола.

– Я расскажу отцу о том, сколько раз ты спасал меня! О том, как ты жертвовал ради меня жизнью на Змеином Языке и являл отвагу, равной которой не сыскать даже в легендах!

Ширам молча улыбался, слушая его слова. Они звучали искренне. Но из головы накха все же не шел давешний разговор с Аорангом. Почти семь десятков человек покинули столицу, отправляясь с царевичем на охоту, – а возвращаются лишь трое... «Виноват ли я в этом? И что должен испытывать? – раздумывал он. – Но что и почему? Все сгинувшие

в походе войны сами избрали свою судьбу. Смерть их была достойной мужчин...»

Получив от государя обещанную награду за сохранение жизни наследника, Ширам собирался непременно попросить его выделить отряд, чтобы вернуться и отомстить коварным ингри за подлую измену. Он вдруг припомнил чучело убитого на охоте чудовища. Сейчас бы оно не помешало... Но, увы, осталось в захваченном лесовиками лагере. Кстати, там тоже погибли люди, вспомнилось Шираму. Всякие слуги, брадобреи, повара... За них он тоже отомстит. Почему же не отомстить?

– Хаста, – он развернулся в седле к едущему чуть в стороне жрецу, – весь поход ты вел записи...

– Да, маханвир, – становясь вновь безукоризненно почтительным, отозвался рыжий огнехранитель.

– Ты отдашь их государю?

– О нет. Когда мы войдем в ворота столицы, наши пути разойдутся. Вы пойдете ко двору государя, а меня там не ждут. Мы с Аорангом поедem в главный храм Исвархи.

– Но государь захочет узнать о походе во всех подробностях. Кто лучше тебя сможет рассказать?

– Он. – Хаста указал на царевича. – Ему всегда будет куда больше веры, чем мне и вам. Но я передам записи брату государя, святейшему Тулumu. А если государь пожелает объяснений, то немедленно приду на зов солнцеликого.

Ширам досадливо отвернулся. Конечно, наследник пре-

стола скажет о нем хорошие слова – однако лишь богам ведомо, какая чаша окажется весомее.

Тем временем Аюр похлопал коня ладонью по шее, успокаивая скакуна, и громко спросил, отыскивая взглядом главу следопытов:

– Аоранг, где ты? Сможем ли мы добраться до дому уже сегодня?

– Смотря какую дорогу выбрать, – ответил тот, подходя со стороны медленно ползущих возов.

Молодой мохнач вообще предпочитал идти пешком. Усталости он, кажется, не знал вовсе.

– Что значит «какую»? Самую короткую!

– Значит, надо ехать по старой, через лес, – чуть подумав, сказал Аоранг. – Если не будем мешкать – к полуночи можем быть у стен столицы.

– По лесной дороге? – озадаченно повторил Аюр. – Что-то я ее не помню. Кажется, из столицы мы по ней не ехали.

– Так и есть, господин, – раздался из-за спины мохнача голос одного из следопытов. – Лесной дорогой нынче мало ходят, если острой нужды нет.

– Это еще почему?

Брови престолонаследника удивленно взметнулись. Он поглядел на колышущееся под горой зеленое с прожелтью море деревьев.

– Ведь так же куда быстрее, чем в объезд!

– И то верно, – согласился охотник. – Ежели кругом идти,

так еще день пути будет. А если с грузом, то и все два. Так что с нашими-то волами еще не скоро доберемся.

— Ну вот, — подбоченился царевич. — К чему нам кружить? Пойдем напрямик, через лес!

— Можем и через лес, — согласился Аоранг, не меняясь в лице, — чего нельзя было сказать о его подчиненных-следопытах.

— Не надо бы туда ходить, господин! — воскликнул один из них, с раскосыми светлыми глазами. — Лес этот проклят! Там еще в прошлое царствование стояла кереметь Матери Тарэн, великой и свирепой госпожи бьяров...

— Что мне за дело до лесной нечисти? — сразу сообразив, в чем дело, недовольно ответил Аюр. — Или я должен бояться ложных богинь, как невежественные простолюдины? Да я теперь тем более туда поеду!

— Да и нет там больше керемети, — добавил Хаста, который тоже слышал об этой истории. — Лет двадцать, как бьяров с их колдовством из леса прогнали...

— Только, уходя, они свой лес проклинали, — добавил неугомонный следопыт. — И теперь иной раз бывает: путник в лес то вошел, а обратно не вышел!

— Разбойники? — предположил Ширам, окидывая пристальным взглядом чашу.

Царевич презрительно фыркнул:

— Нас тут пара дюжин вооруженных мужчин, да еще и Ширам, который один дюжины стоит! Уж как-нибудь от бьяр-

ских нечистых духов отобьемся!

— Как повелит светозарный, — обреченно вздохнул светлоглазый следопыт. — Одно только скажу: ежели этой дорогой идти, то никуда сходить с нее нельзя. Деревьев, кустов, даже чтобы обогреться, не рубить. И уж конечно, боги нас сохранят там заночевать!

— Там мы прямо сейчас и пойдем. Аоранг, что скажешь?

— Лесная нечисть — грязь перед ликом Исвархи, — спокойно подтвердил мохнач. — А дорога через чащу и впрямь короче, хоть и похуже, конечно. Что до разбойников, о них тут давно не слыхали.

— Тогда распорядись сворачивать под гору! До сумерек уже на новую дорогу выйдем, а оттуда и до столицы рукой подать.

Аоранг кивнул и отошел. Светлоглазый охотник последовал за ним, пробормотав себе под нос:

— А только кругом было бы куда спокойнее...

Возы медленно съехали под горку, и сразу же будто стемнело — сомкнулись над дорогой густые сосновые кроны, сдвинулись еловые стены. Все вокруг окуталось зеленым сумраком. Деревья, особенно раскидистые ели, росли тут так густо, что сойти с дороги и захочешь, не выйдет. Дорога, впрочем, была широкая, в две повозки, и прямая, как и все большие дороги Аратты, хоть и изрядно заросла. Запахло грибами и мхом. Люди невольно притихли, с опаской глядя

по сторонам.

Жители южной Аратты лес не любили, относились к нему настороженно, в отличие от тех же бьяров, для которых он был родным домом. А это не просто лес, а обиталище духов, жаждущих отмщения. Кое-кто из следопытов, особенно из северян, тайком прикасался к обережным поясам, шепотом прося Мать Тарэн не гневаться и пропустить их невредимыми. Ибо сильнее и страшнее не было богини у бьяров.

Когда начало вечереть, стена елей вдруг расступилась, будто пропуская вперед кряжистый замшелый дуб. Огромное дерево стояло, ограждая чашу, растопырив во все стороны толстые корявые ветви. С иных все еще свисали жертвенные ленты, полинявшие от дождей и снегопадов. У корней, в сухой листве, белело что-то, весьма похожее на кости. Чьи – рассматривать никто не пожелал. Ведь для этого надо было сойти с дороги.

– Вот когда пришли кереметь разорять, – слышался за спиной Аюра громкий шепот, – глядь – в лесу дубы человеческими кожами увешаны! А вокруг черепа...

– Хватит врать-то! – со смехом перебил его товарищ.

Но его смех прозвучал одиноко и затих. Всем было жутковато перед этим деревом, которое, казалось, смотрело на них, изучая и запоминая каждого...

– Как тут тихо, – отчего-то шепотом произнес Аюр, когда отряд двинулся дальше.

Ширам кивнул.

– И птицы не поют...

– Не поют.

Лицо накха застыло. Он прислушивался к себе, пытаясь понять, что именно его тревожит. Нет, слезки вроде не было. Но что они в этом лесу не одни – в этом он не сомневался.

Аюр искоса поглядел на старшего товарища. Со стороны Ширам выглядел, как и прежде, спокойным, погруженным в свои мысли. Но царевич уже знал, что скрывается за таким спокойствием.

– Что, следят? – еле слышно проговорил он, стараясь не привлекать внимания прочих.

– Не понимаю, – помедлив, ответил накх. – Но здесь кто-то есть.

Аюр не стал вертеть головой, как непременно сделал бы прежде, а тихо произнес:

– Может, какой-нибудь местный охотник на всякий случай ушел с дороги, заведя незнакомых всадников?

– Только безумец решит охотиться в заповедной чаще. Ты же слышал – сюда по своей воле никто не ходит.

Царевич, не удержавшись, быстро огляделся и на всякий случай поправил налуч. Но вокруг была все та же стена деревьев.

Аюру тоже стало не по себе. Ощущение непонятной угрозы разливалось в воздухе. Судя по беспокойству следопытов, его ощущали многие. Только Аورانг не проявлял никаких признаков страха. Однако и он, прищурившись, глядел

поверх еловых лап, будто пытаюсь высмотреть что-то среди хвой... .

Ширам пытался уловить знакомое ему ощущение взгляда в спину, но его не было. Скорее, смутный, безотчетный ужас, которым веяло откуда-то из чащи. Этот лес пробуждал в саарсане давно забытые ощущения, жутковатые и волнующие одновременно. По рукам накха бегали мурашки, кровь шумела в ушах, но при этом он видел, слышал и обонял гораздо ярче, чем обычно. Нечто шевелилось в нем, медленно ворочаясь, и тоже прислушивалось – нечто древнее и куда большее, чем он сам.

– Кто-то там, в лесу, очень боится, – вдруг произнес он.

– Как ты это понимаешь? – спросил Аюр.

– Испуганный человек смотрит так... – Накх задумался, подбирая слова. – Его взгляд едва касается тебя. Скользит, точно слабое дуновение студеного ветерка...

– А как смотрит враг?

– Если бы глаза врага умели метать стрелы, его жертвы бы уже лежали на земле, утыканные древками, как ежи иголками...

– Расскажи, как ты это делаешь! – с завистью воскликнул царевич. – Я тоже хочу научиться.

– Этому учатся с раннего детства... Стой!

Ширам резко натянул поводья и повернул коня, закрывая царевича.

– Тревога!

Он не успел договорить. Из подлеска шагах в двадцати перед отрядом с треском и невнятным воплем вывалилось нечто человекоподобное – с всклокоченными, черными как смоль волосами и бородой, заплетенной в три косы. В руках незнакомец держал короткое боевое копьё с широким нако-
нечником.

Наследник престола мгновенно вскинул лук:

– Ага! Получай!

Коротко ударила тетива, оперенное древко свистнуло над головой накха, и в следующий миг чернобородый, выпучив глаза, рухнул наземь. В горле его торчала стрела. Одной рукой он пытался выдернуть ее, вторая уже скребла землю в предсмертных судорогах.

Все на миг застыли, а потом быстро окружили царевича, хватаясь за оружие. Но вокруг снова стало тихо. Никто больше не ломился сквозь лес, никто не трещал ветками в чащобе.

– Зачем? – страдальчески проговорил Ширам.

– Что «зачем»? – удивился царевич, опуская лук.

– Зачем ты его убил?

– Но... Он же напал на нас!

Аюр смутился – он-то был доволен своим метким выстрелом и ожидал, что наставник похвалит его.

– Я бы взял его живым, – объяснил накх. – А теперь поди пойми, чего он хотел...

– Как – чего? Разве это не разбойник?

– Ширам, не ответив, спрыгнул с коня, прошел вперед и склонился над распластанным на тропе человеком. Тот был уже мертв – стрела вонзилась ему прямо в гортань. Накх покачал головой и принялся разглядывать бездыханное тело. Убитый не был ни арием, ни вурсом, ни бьяром. Здешние жители не носят таких черных, заплетенных тремя косами бород.

Ширам повернул к себе ладони мертвеца – да, этот человек никогда в жизни не держался за рукоятки плуга. Но ладонь крепкая. Скорее всего, дротики он при жизни метал отменно. Накх бросил взгляд на нож, искривленный, будто длинный клык, привешенный сбоку к поясу убитого. Кроме него и короткого копья, другого оружия при нем не было. Однако подобные ножи Ширам встречал не раз – у него и у самого был такой же.

Он достал из-под наруча один из клинков и начал вспарывать рубаху у незнакомца на груди.

– Что ты делаешь? – спросил царевич, подходя к нему.

– Тут должен быть знак. Они ставят его в юности, проходя мужское посвящение, – делают надрезы на груди и втирают туда пепел из кузнечного горна в знак родства со священным огнем...

– Какой странный обычай! Я даже не слышал о таком. Он принят у накхов?

– Нет... Вот, смотри. – Ширам указал на священные надрезы. – Удивительно. Это закон!

Аюр с любопытством уставился на мертвеца. Раньше он только слышал о саконах, но никогда их не видел. Эти горцы из котловины хребта Менди-Саконы были ближайшими соседями накхов, но при этом умудрялись веками жить с ними в мире. Разгадка была проста – они славились по всей Аратте как непревзойденные кузнецы и оружейники. Саконы поклонялись богу грома, который именно им скинул с неба золотой молот и наковальню. Они никого не пускали к себе и не горели желанием выходить за пределы своих неприступных скал.

– Что человек из народа кузнецов делал в священном лесу бьяров? – проговорил крайне озадаченный Аюр.

– Вот именно, – кивнул Ширам. – Что заставило его покинуть свой род? Разве что месть – или попытка сбежать от мести...

– Почему же он на нас напал?

– Он и не нападал, – раздался голос подошедшего Аоранга.

– Что? – удивленно повернулся к нему Аюр.

– Бедняга нас даже не видел. Ты разве не заметил, царевич, что этот человек выскочил из чащи, не помня себя от страха?

Ширам нахмурился:

– Пожалуй, ты прав, следопыт. Он ломился через лес с таким шумом и треском, будто совсем потерял голову. А испугать сакона – дело непростое...

Все тут же обернулись в сторону деревьев.

– Что его так напугало? – озвучил общую мысль Аюр.

Лес, будто в ответ на его вопрос, совсем затих. Вдруг зашумели, закрипели сосны, словно порыв ветра пробежал по верхушкам. Или это сама заповедная чаща издала тяжкий, долгий, нечеловеческий вздох?

Следопыты застыли, бледнея и шепотом взывая к Исвархе и семи Святым Огням. Руки потянулись у кого к оружию, у кого к оберегам. Аюр напрягся, чуя возрастающую опасность, но не понимая, откуда она приближается.

Чьи это взгляды? Кажется, будто деревья выжидающе смотрят на чужаков. Ветер остановил свой полет, опасаясь мешать тому, что должно свершиться. Земля проснулась и раскрыла жадную пасть, чтобы напиться свежей крови, которой ее так давно не поили в этом лесу...

Нечто – нет, не приближалось и не подкрадывалось. Оно словно возникло из пустоты прямо перед отрядом. И вслед за этим, будто отмахнув полог, выступило из кустов на опушку.

Невозможно было понять, человек это или зверь. Существо имело три мертвых безглазых лица, бурую мохнатую шкуру и длиннющие когти на лапах – или руках, – точь-в-точь как у росوماхи. При виде стоящих на дороге путников три лица существа даже не шевельнулись. Но откуда-то из его утробы раздался такой жуткий, надсадный вой, что издавшие виды охотники окаменели, не в силах не то что броситься наутек – даже отвести взор.

Не вымолвив ни слова, Ширам метнул в лесное страшилище кинжал, которым только что разрезал одежду убитого. Оружие свистнуло в воздухе и глубоко вонзилось в грудь хранителю чаши. Но тот даже не заметил его. Существо продолжало наступать, будто кинжал не вошел ему в грудь по самую рукоять.

Ширам уже был на ногах, и подвешенные за спиной мечи с быстрым шелестом покинули ножны. Удар – трехликое существо вскинуло когти, отражая выпад, и попыталось с размаха полоснуть накха по груди. Саарсан отскочил в сторону. Лапы неведомого врага одна за другой свистнули у него возле самых глаз. Накх снова ударил. Его клинок рассек мохнатую шкуру, но ни капли крови не выступило из раны!

– Ярость Тарэн! – завопил светлоглазый следопыт.

Словно пробужденные его воплем, следопыты побросали оружие и на подгибающихся ногах кинулись прочь. Некоторые из них упали в траву, да так и остались там лежать, что-то подвывая про Мать Зверей...

Рядом с Ширамом остался только ничего не понимающий Аюр.

Зачарованно глядя на страхолюдину, он с трудом нащупал торчащую из колчана стрелу и выпустил ее во врага. Стрела с сухим стуком воткнулась тому в лоб одного из трех лиц и закачалась, явно не причинив ни малейшего вреда. Царевич выстрелил второй раз, почти в упор, – и промахнулся...

Глядя на врага, который был уже в нескольких шагах, Ши-

рам вдруг почувствовал, как в нем что-то развернулось и расправилось, как его змеиное знамя, наполненное ветром. С его губ сорвалось шипение. Он как будто стал выше; наполнявшая его первородная сила подняла его над землей, и он стал вровень с трехликим. Чудовище взвыло и ударило наиха когтями прямо в лицо. Ширам отшатнулся всем телом, сам не поняв, как успел это сделать, и перекатился через спину назад. Но едва вскочил на ноги – лесной страж с рычанием кинулся на него.

– И-эх!

Совсем рядом послышался громкий выдох. Тело мертвого сакона вдруг взлетело в воздух, пролетело шагов десять и шлепнулось под ноги чудовищу. Трехликий, споткнувшись, ничком рухнул на дорогу. В тот же миг Ширам прыгнул ему на спину. Жестко, будто заколачивая бронзовый гвоздь, он опустил рукоять меча на затылок неведомого существа. То рванулось, Ширам снова ударил. Послышался треск, как от раскалываемой доски.

– Э! – воскликнул саарсан. – Это не чудище! Тут личина!

Он ударил по трехликой голове еще раз, и та разлетелась на части.

Лесное диво дернулось и застыло. Пальцы с огромными когтями еще скребли по земле, загребая пыль, но уже без прежнего остервенения.

– Я его оглушил, – стаскивая с головы трехликого вырезанную из дубовой коры личину, довольно сообщил наих.

– Вовсе нет, – приближаясь, возразил Аоранг. – Он не оглушен – дух-покровитель оставил его тело.

– Как это? – наконец совладав с собой и с луком, хрипло спросил Аюр.

– После того как я сбил его с ног, – пояснил воспитанник Тулума, – а твой наставник чуть не вышиб из него все мозги, шаман перестал слышать голос своего незримого хозяина. Тогда злой дух ушел, и шаман потерял силу. Когда такие существа теряют ее, они засыпают так, будто не спали много дней.

Он указал на виновника переполоха. Под расколотой Ширавом личиной оказалась седая голова бьяра. Длинные всклокоченные волосы, заплетенные в жидкие косицы, спадали вдоль морщинистых щек. Плотные закрытые глаза и ровное дыхание подтверждали слова Аоранга.

– Да он совсем старик, – неприятно удивился Ширав.

– Так это еще хуже, – заметил Хаста, выныривая из-за спин опасливо приближающихся следопытов. – Чем старше шаман, тем он сильнее. Я слышал байки о ветхой старушке, одержимой духом медведя-шатуна. Бабка сама едва доползала от лежанки до отхожего места. Но когда в нее входил зверь...

– У меня тут, если позволите, есть веревка, сплетенная из крапивы, – сообщил один из охотников. – Отличная веревка, крепкая! А главное – лучше ее нет против всяческой зловредной нечисти. Если надо кого связать и он попробует

зверем оборотиться – от этой веревки ему не поздоровится. Будто огнем обожжет!

Прочие следопыты шумно поддерживали его, глядя на мирно спящего старичка с откровенным ужасом. Слышались голоса, предлагающие оставить его на дороге и бежать из лесу без оглядки.

Между тем Ширам продолжал добывать нападавшего из его удивительной брони, будто мясо из рачьего хвоста. Хозяин одеяния оказался невысоким, шуплым и неказистым. Ширам поморщился.

«Пожалуй, я мог бы сломать ему шею двумя пальцами! А вот теперь начнут рассказывать, как я бился с этим заморышем и едва спасся. Когда б не Аоранг...»

Саарсан невольно метнул недобрый взгляд на улыбающегося мохнача. И зачем только он влез?

– Ты бы собрал своих охотников, а то они уже, верно, до опушки добежали. И уйми их, не то еще подобных лесных духов разбудят.

– Не разбудят. Таких тут поблизости больше нет. Я чую. – Аоранг шумно потянул воздух носом. – А вернуть надо, а то вдруг зашибся кто...

Мохнач собрался было идти, но вдруг повернулся, будто прочитав мысли Ширама:

– Только ты его не убивай. Нам с ним еще потолковать надо.

– Волки бы с ним лучше потолковали, – недовольно про-

цедил Ширам. – И другим сородичам его острастка не помешала бы. Зачем нам этот старик? Ну да ладно, будь по-твоему. Ты его сбил – значит он твоя добыча. А я бы лучше побеседовал с законом. Что же он все-таки делал в этом лесу, когда за ним погнался шаман-оборотень?

– Я думаю, он караулил дорогу, – сказал Аюр. – Уверен, это разбойник!

– Но почему закон? Почему не бьяр, не арий?

– Так он, должно быть, и не слышал, что здесь проклятый лес, – разумно ответил царевич. – Он же чужак, откуда ему знать про кереметь?

– И верно, – кивнул Ширам, у которого в мыслях все сразу сложилось воедино. – Потому и пошел сюда, что не знал. Но кто-то же послал его сторожить эту дорогу. И уж точно их интересовали не здешние белки и барсуки...

Глава 2. В тайном саду

Ветви кустарника, щедро украшенные ярко-алыми цветами кровохлебки, тянулись к Аюне, будто желая обнять ее. Но царевна лишь осторожно поглаживала лепесток, вдыхая аромат и думая о своем. Несколько дней тому назад примчавшийся в столицу гонец сообщил радостную весть – ее любимый младший брат Аюр избежал всех опасностей и благополучно возвращается в отчий дом. И, о радость! – царевича нашел и спас Аоранг. С трудно скрываемой гордостью она выслушивала рассказ гонца о том, как воспитанник Тулума лично вытащил наследника престола из ужасной расщелины.

Но следующее известие вдруг болезненно обожгло ее. Из всего отряда, отправившегося на Великую Охоту вместе с ее братом, уцелели только какой-то пронырливый жрец – и ее нареченный Ширам. Когда его имя прозвучало в зале, где они вместе с отцом слушали вестника, у нее вдруг тоскливо заныло сердце. Нет, она не хотела саарсану смерти – она просто желала, чтобы он не возвращался. Чтоб исчез, сгинул, чтобы того обручения и вовсе не было! В тот миг Аюна ясно поняла, что не желает становиться женой саарсана накхов. Ни за что!

«Может, пойти к отцу и все рассказать?» – подумала она.

Конечно же, он будет злиться, но все же наверняка простит ее.

«Я дочь Солнца – а Ширам пусть и ловкий воин, но все равно чужак и мне не ровня. Какой-то там накх...»

Царская дочь отлично понимала, что глава двенадцати великих родов Накхарана – вовсе не какой-то накх и что если отец решил выдать ее замуж, не спросив ее согласия, то у него были на то веские причины. Но все внутри ее бунтовало против отцовского выбора. И сейчас в ней нарастала решимость бороться за право следовать зову сердца.

До недавнего времени она и сама не знала, как назвать то, что она чувствует к Аорангу. Праздное любопытство к ученому мохначу быстро переросло в задушевную дружбу – как ей до недавнего времени казалось. Но после того как вместе им довелось спасти маленького саблезубца и потом, когда Аоранг чудом вернул ей воспоминания, изгнанные давними страхами, – Аюна почувствовала, что между ними возникло нечто куда более сильное, глубокое и значительное, чем просто взаимная приязнь. Каким-то непостижимым образом удивительный мохнач стал ей ближе всех родных, и после его отъезда на Змеиный Язык все ее мысли были только о нем.

Только бы вернулся скорее! А что будет дальше, Аюна не гадала. В конце концов, она царица, а он пусть и воспитанник верховного жреца, пусть и путешествовал во всех пределах Аратты, пусть лучше многих знает Ясна-Веду, но все же человек без роду и племени. Ученый и разумный – но лишь дикарь... «Нет, он не таков», – одернула она себя. Скорее уж Ширама с его накхами можно назвать дикарями.

Люди, которые поклоняются змеям и сжигают женщин живьем на погребальных кострах... Она содрогнулась.

Ах, если бы Аоранг был арием – все было бы куда проще! Но тогда он не был бы собой...

– Что ты здесь делаешь, дорогая сестрица? – слышалось совсем рядом.

Аюна оглянулась и увидела Джаяли. Старшая сестра стояла позади на садовой дорожке и глядела на нее внимательно, даже будто бы недоумевающе.

– Прости, я не слышала, как ты подошла.

– Я уже давно сюда подошла, – ответила та. – Ты стоишь, уткнувшись лицом в куст, без движения. Уж не спишь ли ты стоя, будто лошадка?

Джаяли рассмеялась собственной шутке.

– О нет. – Аюна с досадой отступила от цветущего куста. – Просто наш травник рассказывал, что из кровохлебки, если смешать ее сушеные лепестки с молоком и маслом, можно сделать отличное лекарство от кашля...

– Лекарство от кашля? – переспросила старшая сестра, подняв бровь. – Ах вот оно что. А я уж было подумала, что наш травник поведал тебе, будто кровохлебка отгоняет нелюбимых мужчин!

Аюна невольно отвела глаза. Сестра будто случайно прикоснулась прямо к ее тайне.

– Вижу, так и есть, – нежно промурлыкала Джаяли. – Неужели возвращение саарсана не радует тебя?

– Я терпеть его не могу! – не в силах больше держать в себе чувства, выпалила Аюна. – Как подумаю, что он станет прикасаться ко мне, – как будто змея проползает по коже! Брр!

Она гневно топнула ногой и сжала кулаки.

– Я пойду к отцу и скажу ему, что не желаю этого брака.

– Иди-иди, – насмешливо отозвалась Джаяли. – Только сейчас его нет во дворце. Он отправился куда-то вместе с дядей Тулумом. И похоже, был чем-то сильно огорчен.

– Чем же? – обеспокоилась Аюна.

– Уж точно не возвращением нашего брата.

Джаяли обняла сестру за плечи.

– Ты сама-то не знаешь, чем он так раздосадован последние дни?

Аюна мотнула головой.

– Ты говоришь о мятеже?

– О нет. Мятеж вызывает у него ярость, а не досаду.

– Тогда не знаю.

– Странно. А я-то думала, что это твои похождения не дают ему покоя.

– Какие еще похождения?

– Сестрица, ты не умеешь врать. Весь Лазурный дворец судачит о тебе и мохначе. Говорят, до его отъезда вы не расставались целыми днями. Я слышала, он затащил тебя с собой даже в клетку к саблезубцу! Ты что же, влюбилась в него?

– Это мое дело! – вспыхнула Аюна.

– Но это глупо. Родная, если отец и впрямь об этом узнал, твой этот... как там его... – старшая царевна презрительно скривила лицо, – исчезнет бесследно в тот же день, как вернется в столицу.

– Его зовут Аоранг, – мрачно сказала ее сестра. – И это очень красивое имя.

– Даже если от звука его имени будут расцветать розы и птицы станут распевать его, сидя на ветвях, это вам ничем не поможет. Подобное существо рядом с царевной арьев...

– Он не существо! Он человек, и получше прочих!

Джаяли удрученно вздохнула:

– Но этот мохнач – он никто. Он живет из милости у нашего дяди. Он его игрушка, прихоть...

– Ах так? Тогда... я сама пойду к дяде Тулumu, паду ему в ноги и буду умолять его усыновить Аоранга. Дядя же все равно считает его своим названным сыном, я знаю! Может, тогда отец смирится? Ведь смирился же он с твоим Кираном!

– Замолчи! – Старшая сестра гневно оттолкнула Аюну. – Как ты смеешь сравнивать?! Мой супруг, хотя и прибыл с дальних рубежей Аратты, того же рода, что и мы! Да, отдаленная ветвь, но он из повелителей арьев. Не его вина, что волны пожрали бóльшую часть его владений...

– И все же, – не унималась Аюна, – когда отец называл тебе имена тех, за кого он желал отдать тебя замуж, имени Кирана среди них не прозвучало, не так ли? А мне он вообще

не предлагал выбирать. Призвал и сообщил мою участь. И моим супругом будет нахх. А я не желаю этого!

– Кто это тут почем зря поминает имя Кирана? – раздался голос неподалеку, и из-за кустов кровохлебки показался изящный придворный. Его алый плащ был расшит золотыми вебрями. Лицо супруга старшей царевны, с подведенными бровями, удивленно взлетавшими над медового цвета глазами, казалось тонким, почти девичьим. Однако было в государевом зяте нечто такое, что заставляло женщин глядеть не отрываясь и слушать, восторженно открыв рот. – Я приветствую повелительницу моей души и тебя, милая сестрица. Хорошо, что я услышал ваш разговор. По саду Возвышенных Раздумий можно бродить день напролет и заснуть под кустом, не найдя выхода. – Царедворец говорил, а его взгляд скользил по лицу Аюны, словно пытаясь прочесть ее мысли. – Я ищу благословенного Ардвана, да продлит Исварха его дни. Во дворце сказали, что он где-то здесь...

– Он был здесь недавно с дядей, любимый, – ответила Джаяли. – Я их слышала – они прошли мимо рука об руку, вспоминая детство...

– Как это трогательно, – вздохнул Киран, – когда люди столь зрелого возраста проносят братскую привязанность через всю жизнь и со временем она лишь крепнет! Но что они ушли невесть куда, это плохо. У меня хорошие вести. Дальние заставы сообщили, что отряд вашего брата приближается к столице. И твой жених очень скоро заключит тебя в свои

объятия! – лучезарно улыбаясь, объявил он Аюне.

– Вот еще! – возмутилась та.

– Представляешь, – Джаяли, будто ища поддержки, посмотрела на мужа, – то, о чем шепчутся во дворце, оказалось правдой! Малышка Аюна влюбилась в мохнача и не желает ничего слышать.

– Аюна, милая сестрица! – взмахнул широкими рукавами Киран. – Поверь, мы с Джаяли желаем тебе только добра. Вчера в Нижнем городе мои люди уже схватили пару-тройку уличных лицедеев, распевавших непристойные песенки о тебе и мохначе. Но переловить их всех никому не по силам. Если у этого Аоранга есть хоть капля разума, он не вернется в столицу...

– Я все равно не пойду замуж за Ширама! – уже не тая гнева, закричала Аюна.

– Тише, зачем так орать? Мы здесь и слышим тебя. Может, ты и права...

– Что? – осеклась Аюна, во все глаза глядя на зятя.

– Как мне представляется, – негромко сказал Киран, – могуществу накхов приходит конец. Все меняется, и если сегодня государь отдаст дочь за саарсана, то уже завтра может пожалеть об этом... Конечно, я нахожу твою необъяснимую привязанность к мохначу удивительной и предосудительной. Однако, если ты пойдешь к отцу и наотрез откажешься от брака с накхом, возможно, ты окажешь ему куда большую услугу, чем предполагаешь.

Аюна смотрела на мужа сестры, затаив дыхание. Она и не чаяла найти в нем союзника!

– Вот найдем государя, и ты все ему расскажешь. Весть о возвращении наследника настроит его на добрый лад.

– Спасибо, спасибо, дорогой Киран!

Первый красавец столицы величественно склонил голову:

– Всегда рад помочь, дорогая сестрица.

* * *

Тем же днем, но несколько раньше жезлоносцы подняли свое оружие и почтительно склонили голову, пропуская Тулума, верховного жреца Исвархи, в сад Возвышенных Раздумий. Здесь, в самом скрытом и священном месте дворца, Тулуму не требовался провожатый. Он шел, с улыбкой разглядывая знакомые кусты, усеянные багровыми цветами, наполняющими воздух пьянящим ароматом. Он свернул на одну из тропинок, что вились между кустов, и очень скоро оказался в потайной беседке, увитой цветущими лозами.

– Проходи, проходи, братец, – слышалось изнутри. – А я хотел посмотреть, догадаешься ли ты, где меня искать, или, как все прочие, пойдешь прямо, к колоннаде. Но ты помнишь наше тайное местечко...

Ардван, государь и живой бог Аратты, сделал пару шагов навстречу верховному жрецу.

– Конечно помню, – с улыбкой подтвердил Тулум. – Но

к колоннаде нам тогда ходить запрещали, чтобы не мешать размышлениям отца.

– А покойная матушка повсюду тут прятала для нас маленькие подарочки. И мы их разыскивали, радуясь, когда удавалось найти ту или иную безделицу...

– Я помню, брат, – произнес Тулум. – Ты пригласил меня для того, чтобы предаться воспоминаниям?

Ардван, широко улыбаясь, потрепал его по плечу:

– Представь себе, да! Последнее время я часто вспоминал и тебя, и прочих друзей наших детских игр...

– Что же заставило тебя возвращаться мыслями сюда, к нашим детским играм?

– Да вот как-то само на ум пришло. Представляешь, не идет из головы воспоминание – вы с Артанакком убегаете, а я вас ловлю! И все это так весело, так весело...

Тулум не отрываясь глядел на старшего брата. Тот, хоть и лучился дружелюбием, вблизи выглядел очень усталым – глаза запали, лицо осунулось, будто государь не спал много ночей подряд. Верховный жрец посочувствовал бы брату, если бы жесткая складка его губ не подсказывала, что за показной душевностью правителя Аратты таится что-то очень недоброе.

– До меня доходили слухи, что ты приказал схватить Артанака... – рискнул сказать Тулум.

– Да.

Глаза Ардвана вдруг вспыхнули, и голос зазвучал жестко,

как удар палицей о бронзовый щит.

– И не его одного. И потому хотел бы знать, мой дорогой брат, – голос государя вновь стал мягким, – отчего же ты не пришел ко мне и не рассказал, что Артанак замыслил лишить меня власти?

Тулум поглядел на старшего брата, и по его телу пробежала дрожь. Ардван вдруг показался ему похожим на изготавившегося к прыжку саблезубца.

– Хранитель Покоя в самом деле приходил ко мне, – сказал он, обдумывая каждое слово. – Но он не упоминал о заговоре. Он на все лады толковал о том, что в бедах Аратты виновны накхи и ты совершаешь ошибку, приближая их к себе. Я оборвал его речи и не пожелал их выслушивать.

– Ты должен был немедленно известить меня!

Верховный жрец поглядел на брата с невольным холодком:

– Разве ты – Господь Солнце? Разве тебе я что-то должен?

– Нет, я не Господь Солнце!

Ардван шагнул вперед и с силой схватил брата за руку:

– Идем!

– Куда?

– В место, куда менее приятное, чем это.

Государь, не оборачиваясь, зашагал по садовой тропинке, почти волоча за собой верховного жреца.

– Скажи, – через плечо бросил он, – ты знал, что Аюр жив? Твой воспитанник Аоранг отыскал его на Змеином

Языке. Сейчас наследник возвращается в столицу.

– Хвала Исвархе, если это так! Но клянусь, я слышу об этом впервые от тебя!

– Странно... Все это очень странно... Разве ты не получал писем?

– Каких писем?

– Тех, что тебе посылали твой воспитанник Аоранг и молодой жрец Хаста?

– Нет...

Тулум напрягся, но постарался не подавать виду. То, что имя незначительного жреца Хасты известно государю, почему-то показалось ему очень плохим знаком.

– Вот как... – Ардван хмыкнул. – Что ж... ты сказал, я услышал!

Дальше они шли молча – через тайный сад, через колоннаду, затем долгим и извилистым каменным коридором, который внезапно закончился окованной железом дверью. За пару шагов перед ними государь остановился и указал на голубой лоскут неба в узком зарешетчатом оконце:

– Дивный сегодня день! В небе ни облачка. И в то же время солнце не палит, а лишь согревает, радуя всякого смертного, живущего под ним...

Великий жрец с недоумением глянул на государя. Тот подошел к тяжелой двери и ударил в нее кулаком. Едва она открылась, навстречу повелителю вырвался вопль, полный боли. Вопль оборвался, а вскоре наружу выскочил какой-то

человечек в кожаном переднике, заляпанном кровью. Низко кланяясь, он начал скороговоркой что-то рассказывать Ардвану. Тулум лишь краем уха слышал его негромкую речь.

– Умер, сердце разорвалось... Не выдержал...

– Мрази! Я же сказал, он должен быть жив! – прорычал Ардван.

Человечек в фартуке начал пятиться, мелко кланяясь.

– Труп обезглавить, голову сами знаете куда.

– Да-да, конечно! Мы не хотели... Так-то и не особо, только два раза повернули, а он вдруг захрипел, забился, и вот...

– Прости, Тулум, – обернулся к оцепеневшему брату государь. – Хотел, чтобы мы втроем с Артанакom прошлое вспомнили, но теперь не получится. Однако не огорчайся. У меня есть еще человек – не такой знатный, но, думаю, тебе его будет тоже любопытно повидать...

Государь шагнул на лестницу, ведущую вниз, в смрадный, освещенный лишь факелами сумрак подземелья.

– Давай не отставай.

Тулум, стараясь не меняться в лице, последовал за ним. Ардван спускался быстро, нисколько не смущаясь плохим освещением, как будто каждый камень здесь был ему знаком.

– Так, говоришь, о возвращении Аюра тебе ничего не известно? – чуть задыхаясь, спросил он на ходу.

– Ничего, – угрюмо подтвердил Тулум.

– Жаль. Но я тебе расскажу вкратце. Когда твой воспитанник очень быстро, будто зная, где искать, нашел Аюра, с

ним были лишь двое. Двое уцелели из семидесяти! Знаешь, кто были эти двое? Живой и невредимый Хаста, твой жрец, и глава Великой Охоты, Ширам. Ну да с накхом понятно: с ним как со змеей – пока убьешь, девять шкур снимешь. Но Хаста? Мой сын ранен, Ширам еле жив – а Хаста? Какой-то ничтожный жрец оказался ловчее всех? – Ардван внезапно остановился под факелом, развернулся и уставился брату в лицо. – Итак, из всей Великой Охоты, как ты уже понял, вернулись лишь трое. За все время существования державы такого не бывало – и мне это кажется очень странным. Мне бы хотелось, чтобы ты помог мне найти ответы на эти вопросы.

– Сюда, солнцеликий! – раздался подобострастный голос.

Человечек в кожаном фартуке, сняв со стены смоляной факел, остановился возле одной из дверей и отодвинул тяжелый засов. Дверь отворилась, открывая путь в каморку столь узкую, что широкоплечий мужчина едва мог бы в нее протиснуться. Из-за приоткрывшейся двери густо запахло нечистотами, блевотиной и въевшимся в стены запахом ужаса.

У дальней стенки, сжавшись, полулежало на соломе существо, в котором с трудом угадывался человек. Лицо его являло собой кровавую маску, беззубый рот открыт в немом крике. Заметив человека в фартуке, существо сделало попытку вжаться в стену.

– Не спрашиваю тебя, узнаёшь ли ты, кто перед тобой. Когда он носил одежду, это был плащ младшего жреца в главном храме Солнца. – Государь склонился над истерзанным

узником. – Так?

– Да, – невнятно прохрипел тот.

– Ты можешь говорить?

– Только не бейте! Я все скажу!

– Говори правду, и тебя не будут больше бить.

– Все, что знаю!

– Ты получил послания, написанные Хастой и Аورانгом?

– Я...

– И что ты сделал с ними дальше?

– Передал Хранителю Покоя... Он говорил, что так нужно ради безопасности царевича...

– Ты опять за свое? Мне приказать, чтобы он взялся за кнут?

– Нет, нет! Я отдал письма Хранителю Покоя, тот прочитал их и вернул...

– Что было дальше?

– Был еще один жрец, в храме, – я не видел его лица. Я лишь оставил письма там, где мне приказали, а он забрал их.

– Ты его видел?

– Лишь со спины...

– Повернись, братец. Похож ли этот жрец на того?

– Нет, нет!

– Ты врешь, мразь!

– Тот был другой! Совсем не похож!

– Ну хорошо. Покуда я тебе поверю. И что же ты сделал потом?

– Хранитель Покоя велел мне прийти к нему под утро. Он сказал, что даст мне поручение. Он велел мне отыскать на закатной дороге один постоялый двор. Там бы меня ждали люди...

– Какие люди?

– Я не знаю! Они сами должны были меня найти. Я лишь должен был отдать им посох...

– Вот тут ты говоришь правду, – удовлетворенно сказал Ардван, поворачиваясь к брату. – Когда Жезлоносцы Полуночи схватили этого мальчишку возле особняка Артанака, при нем был дорожный посох – обычный, даже кора не везде очищена. Но мои люди отчистили эту кору. Она, видишь ли, была сперва снята, а потом надета снова. А там, под снятой корой, мы нашли срез не длиннее указательного пальца. Отрезанная часть была приклеена рыбьим клеем. Мои умельцы ухитрились растопить клей. Так вот, на срезе имелась надпись – совсем небольшая, в пару слов. Но едва ли то была молитва Исвархе.

– Что же там было? – бесстрастно спросил Тулум.

– Тут я хотел попросить твоей помощи, братец. Надпись сделана тайнописью – а ты большой любитель таких забав...

Ардван выжидательно посмотрел в лицо брата.

– Ты хочешь меня в чем-то обвинить? – напрямую спросил верховный жрец.

– Вовсе нет! – Правитель Аратты положил руку на плечо верховному жрецу. – Ничего на свете я так не желал, как

убедиться, что мой любимый младший братец непричастен к злодейству! Прости, что отвлек тебя от размышлений...

– Я могу идти? – сумрачно спросил верховный жрец.

– Подожди меня наверху, в саду. Мы продолжим беседу.

Он подал знак, и карауливший выход стражник почти-точно распахнул дверь перед верховным жрецом.

Когда она затворилась за спиной Тулума, повелитель Аратты бросил презрительный взгляд на исполосованное кнутом тело:

– Ты что же, несчастный, совсем утратил разум?

– Увы, нет, – прошептал тот. – Хотя и желал этого больше всего на свете...

– Пустое! Ты мог сказать правду и спастись. Но предпочитаешь врать и запираяться. Зачем тебе это?

– Я сказал правду...

– Нет! – оборвал его Ардван. – Тулум, несомненно, замешан во всем этом. Но ты для него – пустое место. Сам видел, он не пожелал спасать тебя. Зачем же ты его выгораживаешь?

– И для меня Тулум – пустое место, – прошептал истерзанный жрец. – Но сейчас я слишком близко к престолу Исвархи, он слышит мои слова... И мне уже не важно, слышишь ли их ты. Я сказал тебе правду – делай с ней что пожелаешь...

Государь стоял, сложив руки перед грудью и покусывая нижнюю губу. Наконец он прервал затянувшееся молчание:

– Он будет жить?

Кнутобоец, к которому были обращены эти слова, молча покачал головой.

– Тогда ускорь его встречу с Исвархой.

Глава 3. Путевая вежа

Поход через заповедный лес продолжался до самого заката. Теперь все были настороже – шли медленно, будто крадучись, оборачиваясь на каждый шорох, держа луки под рукой, чтобы не пропустить засаду. Казалось, в любой миг из чащи вылетит стрела или, того хуже, еще одно страшилище... Однако больше путешественники никого не встретили – ни человека, ни зверя. Захваченный бьяр, который, по убеждению следопытов, равно относился и к тем и к другим, спал беспробудным сном, надежно привязанный крапивной веревкой к борту телеги. На другой воз положили мертвого сакона.

Ширам неспешно ехал впереди отряда, погруженный в собственные мысли. Откуда взялся в лесу сакон? Предположение Аюра о том, что чужак попросту не знал, что здесь проклятое место, казалось убедительным. Или он полагал, что Небесный Кузнец защитит его? Пусть так – но все же что он там делал у дороги? Как здесь оказался и кого выслеживал?

Если это соглядатай разбойников, то почему он таился здесь, а не на большаке?

«Может, и там тоже сторожили, – подумалось накху. – Но если засады стоят так плотно – неужели ждут именно нас?»

Ширам сдвинул брови. Еще на Змеином Языке Аоранг по-

слал человека с письмом к Тулуму. Сам он тоже отправил гонца из первой же приграничной крепости. Может, одного из них – а то и обоих – перехватили разбойники?

Саарсан бросил взгляд на воз, где мертвым сном спал шаман-оборотень.

«Да еще и это диво лесное... Неужели бьяры вернулись в свое разрушенное святилище и снова приносят человеческие жертвы? Нет уж, пусть с этим разбираются жрецы Исвархи...»

Чаща между тем понемногу светлела. Еловая корба сменилась прозрачным березняком, неподалеку зашумела вода. Деревья расступились, и отряд вышел на берег быстрой лесной речки. Дорога дальше вела к броду, который, как водится, охраняла маленькая крепость. Замшелые бревна частокола торчали из зарослей отцветающей огонь-травы и малины, окружая жилую хоромину с покосившейся дозорной башенкой и дворовые постройки. Ворота крепостицы были гостеприимно распахнуты, по двору вперевалку бродили гуси и утки. Из волоковых окон тянуло запахами дыма и печеного мяса с приправами, от которого у всех сразу рот наполнился слюной.

– Что это за место? – спросил Аюр, с удовольствием пригнувшись. – Я его не помню. Крепость – не крепость...

– Мы ехали другой дорогой, – объяснил Ширам. – Это старая путевая вежа. Раньше она охраняла переправу через реку. Сейчас тут, похоже, постоянный двор.

Подобные путевые вежи нах видал не раз. В давние времена, когда предок нынешнего государя только осваивал эти земли, идя в поход, он возводил их по пути следования войска. Уходя дальше, государь оставлял в таких местах нескольких бывалых вояк, нуждавшихся в отдыхе, приказывая поддерживать крепость в порядке и быть готовым принять здесь новый отряд. Ставили их в землях подвластных племен, на распутьях, волоках и переправах, и еще долго они были единственной защитой от разбойников или местных обитателей, которые решительно не понимали, почему бы им не грабить всех проходящих через их земли купцов. Теперь же, когда в Аратте царил мир, многие из них были просто заброшены или, как эта, превратились в постоянные дворы.

– Уже вечерет, – сказал Ширам, поглядев на небо. – Ду-маю, здесь мы и заночуем.

– Мы еще можем ехать дальше, – проговорил Аюр, впрочем не очень уверенно – уж очень манящим был запах еды.

Его наставник покачал головой:

– Мы задержались в лесу. Не стоит нам теперь ехать ночью. Эй, Аоранг! Скажи своим людям, мы остановимся тут!

Старик – содержатель постоянного двора, чуть прихрамывая, как раз спешил навстречу гостям. В руке у него был топор, которым он, должно быть, только что рубил дрова. Но по тому, как он держал его, было заметно, что в прежние дни ему доводилось управляться с совсем иным оружием. В дверях промелькнула, сверкнув полными любопытства глазами,

стройная светловолосая девушка.

Ширам начал с того, что лично, вместе с хозяином, обошел все хозяйство – дом, двор и прилегающие к нему уголья. Он тщательно осмотрел просторную кухню, опочивальни для гостей, кладовые; проверил, заперты ли засовы на дверях, ведущих на задний двор, заглянул даже в хлев с дойной лосихой. Все надежно и добротно, как и положено, в пусть небольшой, но все же крепости. У навеса конюшни перед накхом низко склонились двое немолодых слуг, видно тоже из прежних вояк.

Бывшая опочивальня военачальника предназначалась теперь царевичу. Перина, набитая лебяжьим пухом, покрывала низкое ложе; на окнах – крепкие ставни. Все вымыто и выскоблено. Без роскоши, но достойно, как и подобает воину в походе. Особенно после ночевки под сумрачным и не всегда теплым небом диких земель. Перина так и тянула к себе – Шираму нестерпимо захотелось рухнуть на спину, блаженно вытянуться и не размыкать глаз как можно дольше. Накх мотнул головой, отгоняя заманчивый морок.

– Тебе не нравится, маханвир? – тут же с тревогой спросил хозяин. – Это лучшее, что есть!

– Все хорошо, – успокоил его накх. – Меня сейчас больше занимает соглядатай, которого царевич подстрелил в лесу. Не беспокоят ли вас разбойники?

– О разбойниках давно не слыхали! А вот мятежники...

– Мятежники?

– А вы не знаете? В столице был мятеж против государя. Слава Солнцу, его подавили. Теперь повсюду носятся разъезды, ловят недобитков – их тут по окрестностям столицы столько разбежалось....

– Так вот оно что, – пробормотал Ширам.

Да, это многое объясняло! И сакон с оружием там, где ему совершенно нечего делать; и то, что их никто не встретил, несмотря на давно отправленных гонцов. Скорее всего, те просто не доехали. Значит, мятежники знают, что царевич возвращается с Великой Охоты и что с ним мало людей... А вот мятежников вполне может оказаться много, и они, конечно, не упустят такой возможности поквитаться за поражение...

Ширам похвалил себя за правильное решение остановиться в лесной крепостице. Даже если мятежники все-таки выследили их и вздумают напасть ночью – под защитой высоких стен сторожевой вежи царевичу куда безопасней, чем в шатре среди леса.

– Аоранг! – Саарсан высунулся в оконце опочивальни, высматривая главу следопытов. – Поставь ночную охрану из своих людей. Дозорных за ночь меняем трижды, чтобы они каждый миг оставались настороже.

– Зачем? – удивился мохнач, помогавший внизу распрягать волов. – Закроем ворота, и достаточно...

– Делай, как я сказал! – резко отозвался нахх. Аоранг молча повернулся к своим волам. – В округе мятежники, –

скрипнув зубами, объяснил Ширам. – Если они узнают, что здесь царевич...

Аоранг глянул на него с неудовольствием, явно находя такие предосторожности лишними, но все же кивнул.

* * *

Радужный хозяин, слуги и девушка-стряпуха сбились с ног, стараясь напоить, накормить и обустроить отряд царевича. Следопыты, поставленные с луками на стенах, ворчали, что не их дело торчать в дозоре ночь напролет. Однако сейчас даже Аоранг не стал спорить с нахмом.

Остальные путешественники с удовольствием предались отдыху и сытной трапезе. Правда, запеченной с травами оленины, заманчивый аромат которой разливался вокруг вежи, на всех не хватило. Зато прислуживала высоким гостям за столом та девица, которую прежде они видели лишь мельком. Иные, разглядев ее толком, и про оленину забыли. Стройная, гибкая, хотя и не столь высокая, как женщины арьев, она постоянно улыбалась, и ямочки на ее щеках так и манили изголодавшихся по женскому вниманию мужчин. Аюр пришел в восторг от ее ярких зеленых глаз, пшенично-русой косы и необыкновенно тонкого стана, по бьярскому обычаю стянутого кожаным ремнем, расшитым обережными медными птичками.

– Погляди, экая лесная красавица, – прошептал он своему

старшему товарищу. – А как смотрит на меня!

– Ничего удивительного в этом нет, – буркнул Ширам. – Наследники престола заезжают сюда не часто.

Хотя, по правде сказать, на красавчика-царевича девица взглянула лишь пару раз. Зато с мрачного нахха она просто глаз не сводила.

– Девушка, налей-ка нам вина! – приказал Аюр, желая заодно рассмотреть ее поближе.

– Вина? – Та оторвала взгляд от Ширама и звонко рассмеялась, подхватывая с полки кувшин. – Да откуда у нас вино в лесу, светозарный господин? Столица вроде и недалеко, но все равно что на другом краю земли – никто в нашу глухомань не ездит! А вот у нас есть стоялый мед, на диво удался – только попробуйте...

Очарованный ее смехом и лукавым взглядом, Аюр протянул к ней руки, но лесовичка ловко уклонилась и налила ему полную кружку хмельного питья. Она попробовала и перед наххом игриво склониться, но Ширам молча накрыл свою кружку ладонью и коротко приказал налить ему ключевой воды.

– Что ты так смотришь на маханвира? – насмешливо спросил Аюр. – Он тебя не съест – если, конечно, накормишь его как следует!

Девица улыбнулась и ответила почтительно, но довольно смело:

– Прости, солнцеликий, но не часто к нам заезжают вы-

сокородные накхи. Когда они проезжают мимо по большаку на своих вороных конях, в черных одеяниях, с закрытыми лицами, кажется, что это не мужчины, а страшные призраки из сказаний древности...

И она снова уставилась на Ширама, словно ее тянула к нему неведомая сила.

– Кажется, что им чуждо все человеческое...

– Ты бы хотела самолично это проверить? – развеселился Аюр.

– Ступай, ступай! – крикнул ей седобородый хозяин постоянного двора. – Вы уж не сердчайте, благородные господа. Тоскливо ей тут. – Он вздохнул. – Вся в мать пошла.

– А кто была мать? – стараясь понять, какая кровь намешана в жилах бойкой девицы, спросил Ширам.

– Мать ее покойницу я в былые времена из дальнего похода в земли вендов привез. Уж как я ее горемычную ни холлил, а все ж от тоски померла...

Старик махнул рукой и прикрикнул на дочь, которая стояла рядом:

– Что здесь толчешься, принеси воду господину, и кыш отсюда!

Девица с разочарованным видом развернулась и бросила на маханвира проникновенный взгляд через плечо, но тот словно не заметил его.

Наконец, когда за окнами уже совсем стемнело и хозяин постоянного двора во всех подробностях пересказал го-

стям все слухи и сплетни о мятеже в столице и его героическом подавлении, Ширам предложил царевичу идти спать. Несколько перебравший Аюр не стал спорить, кивнул и послушно отправился в опочивальню, нахваливая оленину, мед, любезного хозяина и его красавицу-дочь, которой он сулил по возвращении в столицу немедленно перевезти к себе во дворец. Он и сейчас был весьма расположен остаться с ней наедине, но глаза его слипались и ноги едва слушались. Словно вся усталость этого похода внезапно обрушилась на него. Аюр и не подозревал, что настолько нуждается в отдыхе.

– Отдыхай, светозарный. Доброй тебе ночи. Ложись спать, я проверю дозоры и вернусь.

– Не о чем беспокоиться! И скорее вели привести эту красотку прямо сюда...

Царевич взмахнул рукой и, увлекаемый этим движением, рухнул на кровать, не снимая сапог.

– Уже бегу, – пробормотал нахх и, закрыв дверь, поглядел вниз, где за освободившимся столом о чем-то между собой оживленно беседовали огнехранитель и Аورانг.

– Хаста! – окликнул его саарсан. – Ступай к царевичу. Хмельное ударило ему в голову. Надо разуть его и снять одежду. Я скоро вернусь.

– ...А я ничуть не удивлен, – произнес Хаста, рассеянно отщипывая кусочки от ячменной лепешки. – Сам знаешь, мы в храме не любим об этом говорить. Делаем вид, что ничего такого нет. Но поверь человеку, который много лет прожил на севере: бьяры повсеместно поклоняются своим богам и даже не особенно таятся. Самое большее, они добавляют к ним господа Исварху. И лучше даже не вникать, в качестве кого. Вон, погляди, у этого тоже висит, видишь? – Рыжий жрец показал на хищную птицу с женским лицом на груди, вырезанную на осевом столбе. – Где у нас священный знак Солнцеворота – у этих то Небесный Лось, то Близнецы, то Тарэн, которую они кровью поят, а то и сам Первородный Змей, не к ночи будь помянут...

– И это в дневном переходе от столицы, – покачал головой Аоранг. Он слушал вполуха – был занят оленьей ногой, которую предусмотрительно попросил отложить для него еще до ужина. – Экое чучело изловили!

Хасту передернуло:

– Скажешь тоже, чучело! Хуже бьяра-оборотня и представить ничего нельзя. У нас на севере ими детей пугают. Таких, как он, кроме огня, ничего не берет...

– Как видишь, берет.

– Ты о Шираме? Тут о чем говорить, ему сражаться – как

дышать. Но без твоей подмоги, кто знает, справился бы?

– Оборотень был обуян звериным духом, – ответил Аоранг. – А я со зверями хорошо лажу.

– Ну да, конечно, – не без досады отозвался жрец, – вы, мохначи, умеете обмениваться мыслями и разговариваете со зверями. Могу поклясться, ваши шаманы не слишком отличаются от бьярских.

Аоранг покачал головой:

– Мохначи водятся только с мамонтами, своей родней. Эти же шаманы обращаются к ужасным сущностям... Бьяр носил личину одной из них. Она дала ему силу призвать дух той росомахи...

Он помолчал, глядя прямо перед собой, и вдруг добавил:

– Почти уверен, что при жизни росомаха была бешеной.

У Хасты от его слов неведомо почему мурашки пробежали по спине.

– Мать Тарэн в огненном обличье – богиня войны и безумия, – произнес он. – Зверей-людоедов, одержимых злым духом, медведей-шатунов, убив, сжигают перед ее идолом вместе с костями. Этот обряд называется «отдать Тарэн». Он означает, что в нашем мире для них рождений больше не будет. Кстати, и с людьми время от времени так поступают...

Аоранг содрогнулся:

– Что же надо сделать – или кем надо быть! – чтобы лишить душу возрождения?

– Что бы ты сделал с теми, кто убил твою семью? – вопро-

сом на вопрос ответил Хаста. – Кто живьем скормил Змею твоих детей? Знаешь, что делают поморяне-виндры, когда в их сети долго не идет рыба? Дожидаются отлива, выбирают ребенка, привязывают к скале...

– Ты видел это сам? – нахмурился мохнач.

– Нет, хвала Солнцу! – замотал головой Хаста, косясь на резное изображение в углу комнаты. – Но слухи ходят...

– Надеюсь, это лишь слухи. И что, эта нечисть, Тарэн, так почитаема в народе?

– Даже не представляешь как!

Хаста вновь кинул взгляд на жутковатую птичью личину и спросил то ли в шутку, то ли нет:

– Не боишься, что она затаит злобу против нас?

– Конечно нет! А ты что, боишься?

Огнехранитель рассмеялся:

– Отличный разговор двух жрецов Исвархи. Только не пересказывай моих слов святейшему! – Хаста внезапно оборвал смех, умолк и почему-то заметно смутился. – Ты, наверно, как и все, задаешься вопросом, почему я там, в лесу, не отогнал оборотня именем Исвархи?

Аоранг удивленно взглянул на него:

– И в мыслях не было! Знаешь ли, сложно на миг не ошалеть, встретив такое...

– Но я ведь жрец, – уныло ответил Хаста. – Я не должен был прятаться за спинами воинов. Не то чтобы я боялся бьярской нечисти... Но когда трехликий кинулся на нас из

чащи – признаться, я испугался. Не смог даже призвать Святое Солнце, потому что язык примерз к гортани. И какой я после этого посвященный огнехранитель? Такого никудышного жреца свет не видывал...

Аоранг, слушая его, и сам начал краснеть. Он отложил оленью ногу и запустил руку в волосы, будто его мучила какая-то тяжелая мысль.

– Ты прав, – вздыхая, проговорил он. – А я-то хорош! Вместо того чтобы, как ты верно говоришь, взывать к силе Исвархи, что я сделал? Принялся швырять мертвые тела, будто дикий мохнач с ледяных пустошей! Что бы сказал на это мой наставник, святейший Тулум?

– Сказал бы тебе спасибо за спасение царевича и нас всех, – хмыкнул Хаста.

Распахнулась дверь, пахнуло холодом – с улицы вошел Ширам. Он бросил неприязненный взгляд на мохнача, как будто не понимая, что тот делает за господским столом, и изумленно воззрился на Хасту:

– Почему ты здесь? Я же попросил тебя быть наверху, с царевичем!

– Ты попросил снять с него сапоги и одежду, – уточнил Хаста. – Я это сделал. Царевич спит. Даже сказку на ночь ему можно не рассказывать.

– Его что, никто не сторожит?!

– А зачем его сторожить? Он же спит!

Саарсан дернул щекой, закатил глаза и быстро направился

к лестнице.

Аоранг проводил его равнодушным взглядом и вдруг на миг замер.

– Что такое? – насторожился Хаста. – Ты что-то услышал?

– Да так, ерунда. – Мохнач вернулся к своей трапезе. – Мне на миг почудилось, что там наверху – не один накх, а два...

* * *

Ширам взбежал на несколько ступенек, когда из-под лестницы его тихо окликнули:

– Почтенный маханвир, можно тебя спросить?

– Что надо? – огрызнулся Ширам и невольно одернул себя. Голос принадлежал дочери хозяина постоянного двора. И пусть даже она не была ему ровней по происхождению, из почтения к молоку собственной матери с ней следовало говорить пусть сдержанно, но приветливо. – Что ты хочешь узнать, девушка?

– Я сейчас поднимусь и спрошу! – таинственным голосом сообщила девица и, не дожидаясь соизволения, быстро взбежала по лестнице, оказавшись прямо рядом с ним.

– Так-то удобнее...

– Что ты хотела узнать? – устало повторил Ширам.

– Мне вот рассказывали, что у накхов есть обычай. Когда парень с девицей женятся, то их в храме вместе связы-

вают крепко-накрепко и так целую ночь они возносят моления Ночному Оку... – нежно касаясь руки накха, прошептала лесовичка. – И говорят, они при этом совсем голые!

– Нет, – с некоторой неохотой отстраняясь от привлекательной девицы, покачал головой Ширам. – Я знаю, о чем ты говоришь, но все проходит не так.

– А как? Ты мне покажешь, доблестный маханвир?

Зеленые глаза оказались совсем близко. В голосе девушки полыхнула жаркая страсть, от которой у Ширама стало горячо в груди. Дочь хозяина вплотную придвинулась к воину, вновь ласково взяла его за руку, потянула к себе...

В этот миг из опочивальни царевича донесся глухой звук удара.

Ширам резко оттолкнул девушку и метнулся к двери опочивальни. Но отчего-то его движение ушло в пустоту, едва коснувшись большеглазой чаровницы. Почувствовать это Ширам успел, а осознать – нет. А уже в следующий миг покрытая узлами веревка захлестнула его шею и рывком затянулась.

Накх прижал подбородок к груди, пытаясь перехватить запястье руки, держащей веревку. Краем глаза он заметил, как дочь хозяина резко упала на колено, чтобы своей тяжестью удавить пойманную жертву. Он с усилием развернулся, и узлы с вплетенными для верности острыми камешками вспороли ему щеку. Боли он не почувствовал, скорее удивление. Но и для того времени не было.

Лесовичка снова была на ногах, и удавка в ее руке немедленно превратилась в плеть. Стремительный удар хлестнул саарсана по глазам. Ширам успел подставить наруч и перехватил узловатую веревку. Рывок! Он готов был поклясться, что всякий, будь то арий, венд или какой иной житель державы, постарается удержать свое оружие. Но девушка тут же уступила его противнику. Вместо того чтобы тягаться с ним силой, она отскочила назад и переворотом ушла в сторону лестницы, ударив при этом пяткой Ширама в живот. С тем же успехом можно было пытаться проломить ногой стену, однако Накх сбился с шага, чуть замешкался и не успел схватить не в меру быструю девицу.

– Хаста, задержи ее! – крикнул он, понимая, что сделать это рыжему жрецу вряд ли удастся.

Самому Шираму было не до того. Он ринулся к двери опочивальни царевича, рывком выдирая запертую щеколду, распахнул ее. Краем уха он услышал снизу удар и звук падающего тела. «Только бы не убила!» – подумал саарсан, врываясь в комнату.

На ложе никого не было. Рядом с кроватью лежала свернутая перина, перемотанная веревками, будто копченый окорок. Накх кинулся к ней, перерезал веревки, развернул ее и обнаружил внутри мирно спящего Аюра, целого и невредимого. Он быстро огляделся – стены целы, ставни по-прежнему надежно заперты изнутри, вот только на потолке зияло прямоугольное отверстие тайного лаза...

Едва рассвело, но в ветхой крепостице на опушке священного леса никто не спал. Ширам, клопоча от ярости, сидел за столом и вертел в руках веревку с узлами – все, что осталось на память от коварной лесовички. За всю ночь он, как и прочие, не сомкнул глаз. Да уж, отдых под крышей удался!

Хозяин постоялого двора и его сотоварищи, разумеется, сбежали в суматохе через тайный ход, ведущий с кухни прямо в лес. Отменная засада! Еще немного, и у них бы получилось. У Ширама волосы шевелились на затылке при мысли, что пожелай они убить Аюра – ничто бы им не помешало. Видимо, услышав шаги на лестнице и разговор с девицей, они начали торопиться и уронили сверток – иначе бесследно исчез бы и царевич... Ширам закрипел зубами. Как он мог просмотреть лаз! Он приказал Аорангу разослать всех своих следопытов искать беглецов, но понимал, что, скорее всего, те ушли по реке, а стало быть, это бесполезно.

Одно хорошо – все остались живы, даже Хаста. Молодой жрец сидел рядом с ним за столом и, потирая живот, оживленно рассказывал, как кинулся ловить шустрюю девицу и ни с того ни с сего получил самый жестокий удар под дых в своей жизни.

– У меня свело все нутро! Клянусь Солнцем, я думал, что больше никогда не смогу глотнуть воздуха... Ты слушаешь

меня, Ширам? Кажется, тебя совсем не занимает то, что я говорю! А я едва жив остался!

– Если бы она хотела тебя убить, то непременно бы убила, – не глядя на друга, заметил Ширам. – Но убить она хотела меня...

– Ну конечно, – почти обиделся жрец. – Кроме тебя, здесь уже и убивать некого!

– Смотри, – оборвал его накх. – Вот это – хаташ. Такие веревки с петлями и узлами есть только у накхов. Для удушения с его помощью существует сорок различных способов. И десятки способов для того, чтобы ломать врагу руки, ноги, а также бить, как плетью...

– То-то я смотрю, у тебя на лице свежий рубец! Давай я его...

– Замолчи и слушай. Я готов поспорить, что сегодня ночью хаташ не случайно оказался в руках этой... – Он замаялся, подыскивая слово, не оскорбляющее приютившего их дома: – ...этой крысы в человеческом облике.

Он помолчал и яростно добавил:

– Знаешь, что хуже всего? Кто-то ведь ее научил управляться с ним. Кто-то из накхов! Но такого не было прежде никогда. Никто из наших под страхом смерти не станет учить воинским искусствам чужака...

Он вдруг резко обернулся:

– Где Аюр? Он только что был здесь!

– Гм... Кажется, я недавно видел его во дворе.

Ширам тут же вскочил из-за стола:

– Пошли. Пока я не передам его отцу, нельзя спускать с него глаз!

* * *

Аюр, зевая, прохаживался по двору. Утро было таким сырым и неприветливым, что царевичу хотелось лишь одного – снова забраться в постель и проспять до полудня. И зачем Ширам поднял его в такую рань? Следопытов было не видеть – то ли спали, то ли куда-то уже ушли... Проходя мимо воза с телами, Аюр окинул его сонным взглядом, но тут же встрепенулся. Одно тело лежало по-прежнему тихо, зато другое, привязанное к стенкам воза веревками из крапивы, ерзало и крутило головой.

Ага! Бьяр очнулся!

Царевич подошел поближе и принялся с любопытством рассматривать диковинного старика. Тот встретил его взгляд и с ненавистью проскрежетал:

– Мать Зверей найдет каждого из вас! Познайте ее месть и ярость! Особенно ты!

– Я? – удивился и даже обиделся Аюр. – Но почему я? Я-то ничего тебе не сделал!

– Вы, арьи, оскорбили Мать Тарэн. Вы разорили ее дом и прогнали ее детей! Вы гоните и преследуете нас по всей Бьярме! Вы – дети ложного солнца! Его именем вы изгнали

древних богов – но скоро они отомстят...

Старик дико расхохотался и посулил ошеломленному царевичу:

– Да попадешь ты в руки Тарэн, сын лжи! Да опутает она тебя своей черной паутиной и утащит под землю к своему мужу, ядовитому Хулу!

– Чтоб у тебя язык отсох! – возмущенно отозвался Аюр. – Чтоб тебя Исварха разразил и эту твою Тарэн вместе со всем ее гнусным семейством!

– О чем ругань? – раздалось позади.

К возу подошли Ширам и Хаста. Аюр поглядел на угрюмого накха с рассеченным лицом, на бледного Хасту, еще державшегося за живот, и с ухмылкой сказал:

– Вижу, ночью здесь была славная гулянка!

– Да, светозарный, ты проспал все самое интересное, – подтвердил Хаста, скривившись от приступа боли. – Что, бьяр очнулся?

– Да, и, кажется, проклял меня.

– Проклял? – прошипел Ширам. – Дайте-ка я поговорю с ним. Стало быть, ты не только оборотень, но и бунтовщик?

– А, это ты, змея, которая жалит по приказу хозяина? – осклабился бьяр. – Да не будет тебе ни в чем удачи!

Ширам, не расположенный в то утро к сдержанности, молча врезал ему по зубам.

– Кто бы говорил, – добавил Хаста, на всякий случай держась подальше от воза. – Тот, кто свою удачу в лесу растерял!

– Будьте прокляты вы все! – Бьяр выплюнул выбитый зуб. В углу его рта выступила кровь, но он лишь облизнулся, буд-то радуясь ее вкусу. – Еще не слезет мясо с моих костей, как вы начнете убивать друг друга!

Старик с усилием приподнял голову повыше, мотнул ею и поймал губами одну из бусин, вплетенных в седые косы. В тот же миг он захрипел, по бороде потекла зеленоватая пена...

Ширам быстро шагнул вперед, желая разжать ему челюсти, но на его руке повис Хаста.

– Нет! – закричал он. – Это гадючья поганка, ее даже трогать нельзя! Умрешь, противоядия нет!

Старый бьяр, подтверждая его слова, с глухим стуком уронил голову на дно воза. Его тело еще дергалось, но лицо уже застыло, и дыхание остановилось.

– Она высушенная не опасна, – запинаясь, договорил Хаста. – Но хоть капля воды или слюны попадет – все...

– Все, – подтвердил Ширам и стиснул зубы, глядя на мертвого оборотня. Ну вот и этот от него ускользнул! Что же за невезение такое? Неужели уже начало сбываться проклятие?

– Он посулил, что я попаду в руки какой-то Тарэн, – сказал царевич. – Кто-нибудь понимает, о чем речь?

Ширам пожал плечами. Хаста побледнел еще сильнее и промолчал.

Глава 4. Звереныш

Аюна, в праздничном наряде, увешанная драгоценными украшениями, словно статуя в храме, стояла на стене Верхнего города. Ее расшитое золотой нитью и самоцветами парчовое платье было таким тяжелым, что даже резкий ветер на огромной высоте почти не шевелил его. Позади нее почтительно застыли две служанки: одна держала в руках теплый плащ, на случай если дочь живого бога озябнет, другая – солнечник из пышных перьев, чтобы укрыть в тени нежное лицо царевны, если вдруг начнет припекать солнце. За ними расположились четверо воинов ее охраны. Иными словами, царевна стояла на городской стене все равно что одна.

Погруженная в свои мысли, она глядела вниз, на лоскутное одеяло Нижнего города с извилистой сеткой улиц. Сегодня столица была охвачена суетой, делающей ее похожей на растревоженный муравейник. Аюна знала, в чем дело. Хоть эту новость и не объявляли глашатаи, но город был взбужден: царевич Аюр возвращается с Великой Охоты! Дорога от ворот к Лазурному дворцу была расчищена, вдоль улиц стояли стражи. Однако власти старательно делали вид, будто ничего особенного не происходит и никакого праздника определенно не намечалось.

Встреча Великой Охоты была бы несравнимо торжественнее, если бы не прискорбные обстоятельства ее возвраще-

ния. Мало того что наследник прибыл без добычи, он еще и соратников своих потерял. А ведь среди них были сыновья старейших родов Аратты! Тут впору устраивать погребальное шествие с плакальщицами, а не праздник. Главе охоты, Шираму, еще предстоит дать отчет в смерти каждого знатного ария, бесследно сгинувшего в диких землях...

«Скоро они будут здесь...»

Мысли Аюны метались. Она вдруг вспомнила, как вчера Джаяли и ее муж Киран уходили из сада под руку, словно пара птичек-неразлучников, которые и дня не могут прожить друг без друга.

«Какое это счастье – быть всегда рядом с любимым, который во всем поддержит тебя, защитит и разделит твои мысли... Хотела бы я быть так же близка со своим супругом!»

Но ее собственное супружество будет подобно жертве. Раньше царевне казалось, что ради отца она была готова отдать все, что у нее есть. Она без колебаний пожертвовала для гадания свою кровь, чтобы попытаться отыскать след любимого брата Аюра. Но теперь ее словно разрывало изнутри на части.

«Если только можно избежать этого брака! Моя сестра и Киран пошли против воли отца и победили. А все потому, что они были тверды, отважны и шли до конца...»

Она подняла руку к груди, нащупала среди золотых подвесок заветный оберег на цепочке и стиснула его в кулаке.

«У меня тоже есть откуда черпать решимость!»

Этим оберегом был острый и белый, как молоко, оправленный в золото звериный клык. Царевна уже ловила недоумевающие и насмешливые взгляды знатных женщин, но все равно носила его напоказ – в отличие от обручальных браслетов Ширама. Браслеты эти, холодные и тяжелые золотые змеи, оттягивали ей руки, будто оковы, ежечасно напоминая о ее долге. Клык, наоборот, наполнял Аюну гордостью – ведь это был знак ее личной отваги! Память о том дне, когда она преодолела страх и прикоснулась к самому опасному из зверей Аратты.

«Согласно поверьям моего народа, он дарует охотнику храбрость», – сказал тогда Аоранг, вручая ей этот клык. При мысли о мохначе у царевны стало тепло на сердце. Вот кто поистине беспредельно отважен – и при этом не сеет вокруг себя смерть, как ее постылый жених...

И Аюна вернулась мыслями в тот день, когда она привела Аоранга в тайный сад, и куда он потом повел ее, и чем все завершилось...

– Что с тобой? – спросила она тогда, искоса поглядывая на воспитанника Тулума, идущего рядом с ней по дорожке. – Ты невесел, молчалив и будто не рад меня видеть... Не так-то просто было привести тебя сюда! В сад Возвышенных Раздумий нельзя входить никому, кроме высших сановников, а ты даже не смотришь по сторонам. Я думала, тебе понравится. Говорят, тут собраны самые диковинные растения со всех концов мира. Неужели храмовый сад лучше? Да ты и не

слушаешь меня!

– Прости, солнцеликая, – рассеянно отозвался мохнач. – Я задумался. Все мои мысли сейчас в зверинце.

– Что же там такого занимательного? – спросила царица, уязвленная подобным предпочтением.

– Когда я уже собирался к тебе, смотритель хищников сообщил мне, что Рыкун заболел. Отказывается от пищи, никого к себе не подпускает... Прости, – повторил он еще раз, решительно останавливаясь. – Я должен быть там, а не здесь.

– Рыкун? – в замешательстве повторила Аюна. – Кто это?

– Редкостный звереныш, истинное украшение храмового зверинца, – заговорил Аоранг, сразу оживляясь. – Его привезли прошлой весной с Ползучих гор люди моего родного племени, и то, что они довели его живым, ничем, кроме особой милости Исвархи, объяснить нельзя – ведь всю дорогу Рыкун ничего не ел! Они, видишь ли, наткнулись на его погибшую мать – должно быть, она неудачно поохотилась и погибла от ран, – заметили, что ее сосцы полны молока, и неподалеку нашли еще живой выводок. Вот один из этих детенышей и есть Рыкун. Если бы ты знала, каких трудов мне стоило выкормить его!

– Поохотилась? – с недоумением повторила царица. – Я думала, ты говоришь о мамонте.

– Нет – о саблезубце! Уже очень давно их не было в зверинцах Аратты – последний умер четверть века назад, и его чучело стоит в охотничьей палате Лазурного дворца. Не то

чтобы я был очень рад увидеть детеныша саблезубца. Для мохначей и мамонтов эти пятнистые убийцы – прирожденные враги. Но они столь редко встречаются в зверинцах и никогда не приносят в неволе потомства, так что я просто не имел права дать ему погибнуть...

– Детеныш саблезубца, – повторила Аюна, и ее глаза вспыхнули от жадного любопытства. – Так пойдем вместе, Аورانг! Я хочу посмотреть на него!

Воспитанник Тулума глянул на нее с сомнением:

– Твоя воля, солнцеликая... Но храмовый зверинец едва ли приятное место для царевны. Он не для посетителей, там содержатся по большей части жертвенные животные, там воюет... И я буду лечить зверя, а что будешь делать ты?

– Помогу! – с жаром заявила девушка. – Я учусь целительству, ты же знаешь!

– Я даже близко не подпущу тебя к клеткам и ямам.

– Тогда я посмотрю, как ты это делаешь!

– Это может быть неприятно, а порой и опасно...

– Тогда я тем более пойду с тобой! – тряхнула головой Аюна. – И не отговаривай меня. Такова моя воля!

– Я повинуюсь, – с улыбкой ответил Аورانг, любясь ею.

* * *

– Хвала Солнцу, ты пришел, Аورانг! – Навстречу им из смрадного сумрака зверинца выскочил служитель. – Рыкун

совсем не в себе!

– Так и не поел? – нахмурился мохнач.

– Если бы только это! Забился в угол, рычит, огрызается, никого к себе не подпускает... Слюни текут, глаза горят! Вzbесился, что ли?!

– С чего бы он вzbесился? – с гневом спросил Аоранг, ускоряя шаг.

Про Аюну он будто забыл, как вошел под каменные своды; она едва поспевала за ним, пробегая мимо клеток и загонов, даже не успевая заметить, кто в них заперт.

– Его разве кто-то укусил?

– Нет, но... Он явно страдает! Может, острая кость в каше попалась?

Аоранг резко остановился и схватил смотрителя за плечо.

– Рыкун ест молочную кашу с нарезанным мясом! – рявкнул он. – Откуда там кость, да еще острая? Смотри! Если туда попала кость, я не завидую тому, кто готовил ему пищу!

При виде разъяренного мохнача смотритель побледнел и принялся было оправдываться, но его торопливые слова заглушил жалобный и сердитый рев.

Аюна с трудом дышала – в этой части зверинца вонь была нестерпимой. Она поглядела туда, откуда донесся рев, и застыла на месте. С ее губ невольно сорвалось имя Исвархи. Когда Аоранг говорил о детеныше, она, сама того не сознавая, ожидала увидеть пушистого пятнистого котенка, пусть и большого, – но перед ней припал к полу, словно готовясь к

прыжку, самый настоящий саблезубец. До взрослого хищника он еще не дорос, но уже был размером с теленка – большеголовый и большелапый, нескладный, некрасивый, покрытый клочковатой шерстью. Звереныш скорчился в дальнем углу клетки, прижав уши, и рычал, глядя по сторонам дикими желтыми глазами. Из его пасти обильно капала слюна.

– Этот зверь и в самом деле выглядит больным, – тихо сказала Аюна. – Может, лучше тебе...

Аоранг, не дослушав, откинул задвижку и вошел в клетку.

– Стой! – вырвалось у царевны, но ее друг даже не обернулся.

Он медленно пошел в сторону детеныша, опустился перед ним на корточки, не доходя нескольких шагов, протянул в его сторону руку и заговорил с ним на языке мохначей. Он говорил негромким ровным голосом, не обращая внимания на то, что зверь припал к земле и дергает куцым хвостом, всем своим видом предупреждая человека – еще шаг, и бросаюсь!

Аоранг не шевелился и не опускал руку, но продолжал ласково говорить. Наконец Аюна поняла, что зверь успокаивается. Его вздыбленная шерсть опустилась, рычание умолкло. Аоранг тут же придвинулся чуть ближе к нему и коснулся рукой шеи. Рыкун взвизгнул и отдернул голову. Мохнач убрал руку, подождал, пока рычание снова не умолкнет, и опять коснулся морды.

Это длилось, должно быть, очень долго, но для Аюны, ко-

торая, затаив дыхание, не сводила глаз с мохнача, время прошло как один миг. Только когда Аоранг выпрямился, повернулся и заговорил со служителем на языке арьев, она разжала стиснутые кулаки и увидела красные полукружия на ладонях там, где ее ногти впивались в кожу.

– У него меняются зубы, – сказал Аоранг, поглаживая зверя и осторожно ощупывая ему горло. – На Ползучих горах подросшие детеныши в это время совсем беззащитны и жмутся к старшим или прячутся где-нибудь в скалах, а тут ему и спрятаться негде. Устройте ему тут логовище с низким входом, а соломенную лежанку выкиньте, она уже не годится... Ага, вот он...

– Что там? – вытянул шею служитель.

– Выпавший клык. Он его случайно проглотил, и клык застрял в горле. Перепугался, да и больно ему...

Руки Аоранга вдруг крепко взялись за могучие челюсти подрастающего саблезубца и разжали их. Рыкун заревел и начал вырываться. Аоранг напряг все силы, чтобы удержать его одной рукой, а вторую засунул ему в пасть, быстро нащупал и выдернул что-то белое. После этого он отпустил звереныша. Тот отскочил в угол клетки и лег там, облизываясь с таким видом, как будто сразу же забыл о том, что его так долго мучило.

Аоранг вышел из клетки. Царевна метнулась навстречу.

– Все хорошо, – улыбаясь, сказал ей мохнач. – Твоя помощь не понадобилась.

Из клетки донеслось резкое требовательное мяуканье — Рыкун подошел вплотную к прутьям и звал хозяина.

— Теперь можно погладить его.

Царевна глубоко вздохнула, чтобы скрыть невольный страх, просунула руку сквозь прутья, запустила пальцы в густую пятнистую шерсть саблезубца и принялась почесывать. Детеныш заурчал, словно огромный кот.

— На, возьми на память. — Аоранг протянул Аюне выпавший клык. — Можешь оправить в золото и носить на шее. Мохначи верят, что клык саблезубца делает человека бесстрашным.

— Тебе, чтобы быть бесстрашным, ничьих клыков не нужно, — проговорила Аюна, глядя на него с восхищением.

В этот миг он казался ей воплощением какого-то древнего бога.

Аоранг, стоя рядом, положил Аюне руку на плечо, и она не отстранилась. Служитель зверинца пристально посмотрел на них, однако ничего не сказал.

* * *

Когда они вышли из зверинца, оба были задумчивы.

— Мне нужно поменять одежду: я пахну диким зверем, — проговорила Аюна. — Хотя, знаешь, Аоранг, мне почему-то кажется, что этот запах теперь будет кружить мне голову, как вино...

Она чувствовала, что ее друг стал близок ей, как никогда прежде. Как будто пережитая вместе опасность смела последние преграды между ними. Аюна подняла на него взгляд, она смотрела с каким-то непонятным страхом, как будто, осознав свои чувства, сама испугалась их силы.

– Знаешь, что я подумала о тебе, Аоранг? – Она протянула руку и коснулась ладонью его груди. – Как ты могуч и как при этом добр и ласков! Разве такое возможно?

– Не так уж я добр, ты обо мне не все знаешь, – смутился Аоранг. – На Ползучих горах вообще слова «добродота» нет. Там есть понятие необходимости...

– Судя по твоим словам, жизнь там жестока. Но в ней есть что-то очень... настоящее.

Воспитанник жрецов смотрел на нее и не мог наглядеться.

– А ты – наоборот, – произнес он, не сводя с нее взора, – ты, царевна, с виду нежная, а внутри – твердая, как лучшая бронза. Я всегда это чувствовал, но сейчас увидел своими глазами.

Он отвел взгляд и отступил на шаг – так его волновала ее близость.

– Я ничего об этом не знаю, – радуясь и смущаясь его похвале, отозвалась Аюна. – У меня пока не было случая испытать себя. Мы с Аюром всю жизнь прожили в Лазурном дворце, как в волшебном саду. Вот он поехал на свою охоту, и я завидую ему. Он пройдет испытания и вернется мужчиной, а я?

– Твои испытания тебя найдут.

«Они уже начались, хоть ты и не думаешь об этом, – подумал Аورانг. – Хоть брат императора и зовет меня своим приемным сыном, но назовет ли он меня так, если узнает, что я полюбил его племянницу?»

Впрочем, что толку гадать. Аюна с явным удовольствием проводит с ним время, но едва ли сама отдает себе отчет в своих чувствах – она лишь следует своим желаниям, как делала всегда. Порой он мечтал – вот бы увезти ее на Ползучие горы, скрыться от всех в землях мохначей и жить так, как должно мужчине и женщине, которые раз и навсегда решили быть вместе.

Пустые мечты! Они не на Ползучих горах, а в благословенной Аратте. А кроме того, Аюна уже обручена. Хоть это и скрывалось, но о грядущей свадьбе дочери государя с сарсаном накхов в Верхнем городе не болтал только ленивый. Аورانг поглядел на нее страстным и горестным взглядом. Что же делать?

«Я знаю, что ты меня полюбил, это ясно как восход солнца. Да иначе и быть не может – как можно меня не полюбить? – думала Аюна, глядя на страдающего юношу. – Так почему ты молчишь? Скажи, что любишь меня больше всего на свете, больше жизни! Скажи, что хочешь быть со мной, что никогда от меня не откажешься!»

Но он ничего такого не сказал. А вскоре и вовсе уехал. И вот теперь они возвращаются. Царевна помнила – сразу по-

сле возвращения охоты должен пройти главный свадебный обряд, после которого она станет женой Ширама. Нет, не быть этому!

Аюна нахмурилась, отпустила кулон и обернулась к служанкам и страже:

– Следуйте за мной! Мы возвращаемся в Лазурный дворец.

* * *

С открытой галереи, увитой плющом, Аюна глядела на отца, неспешно поднимающегося по широкой лестнице. В полушаге за ним, почтительно склонив голову, следовал его зять Киран, что-то оживленно рассказывая повелителю. Тот кивал, в конце концов остановился, повернулся к слугам, что-то сказал – царица не слышала что. Она только заметила, что напряженное лицо отца несколько прояснилось. Он улыбнулся зятю, и тот, быстро развернувшись, сбежал с лестницы. Ардван, продолжая улыбаться, сделал еще несколько шагов, и царица наконец решила выйти ему навстречу.

– Отец...

Она выступила из зелени широких листьев и склонила голову перед властителем Аратты, как того неукоснительно требовал придворный обычай.

– А вот и ты, милая! Я вижу, ты уже готова? Мне сообщили, твой брат уже у ворот Нижнего города. Скоро он будет

здесь...

– Отец, я хотела поговорить с тобой... – Она сглотнула вставший в горле ком. – Это очень важно...

– Сейчас не время, – остановил было ее Ардван, но вдруг ощутил, что голос дочери совсем иной, нежели тот, каким она просила себе новые украшения или чужедальные диковины. – Что случилось? На тебе лица нет! Ты что, не рада возвращению брата?

– С ним вернулся Ширам, – тихо проговорила Аюна.

– Да, это так.

– Я не желаю выходить за него замуж.

Ардван замер, уставившись на дочь, как будто вместо юной девицы перед ним вдруг появилось неведомое лесное диво. Затем крепко взял ее за запястье:

– Пойдем со мной!

Аюна безропотно повиновалась, но сердце ее колотилось за решеткой ребер, словно желая выскочить из груди.

Отец привел ее в скудно обставленную залу, вдоль стен которой на длинных полках громоздились тысячи исписанных свитков. Поглядев, плотно ли прикрыта дверь, он отпустил девушку и бросил:

– Ну, рассказывай, что ты там удумала. Что за блажь пришла тебе на ум?

– Я не выйду за Ширама, – срывающимся голосом, но оттого не менее уверенно объявила царица.

– Отчего?

– Я не люблю его.

– Но вы обручены перед богом и людьми – а значит, ты должна.

– Можешь наказать меня как пожелаешь – я не сделаю этого.

Ардван упер в дочь тяжелый, испытующий взгляд:

– Неужели то, о чем судачат во дворце, правда? Я не желал верить в это, не желаю и сейчас. Ты и мохнач – ничего глупее и придумать нельзя!

– Да почему?! Он вовсе не такой уж...

– Замолчи! – прикрикнул властитель Аратты и обвел рукой зал, указывая на кипы свитков, громоздящиеся на полках вдоль стен. – Смотри, знаешь, что это такое?

– Нет...

– Вот это, кругом – признания заговорщиков, умышлявших погубить меня, а заодно и вас. Большая часть людей, указанных в этих свитках, уже мертвы. Но скверна не искоренена. Она где-то совсем рядом! Даже среди накхов есть те, кто склонен к мятежу. И мне нужен вождь их народа. Он будет моей опорой...

Аюна нетерпеливо слушала его, едва сдерживаясь, чтобы не перебить и не воскликнуть: «Ты ошибаешься, отец!» Прежде она не посмела бы возражать Ардвану, когда речь шла о государственных делах. Если он утверждает, что накхи нужны ему, значит так оно и есть. Но Киран сказал, что все это вот-вот изменится и отец еще скажет ей спасибо за

отказ...

– Увы, Охота Силы прошла из рук вон плохо, – продолжал государь Аратты. – Но твой брат жив, и, как сообщил гонец, Ширам не раз доказывал в походе свою верность и отвагу. Он заслужил награду...

– Пусть так, – холодно ответила Аюна. – Награди его, раз он того заслужил, – но только не мной!

– Выбрось из головы всю эту нелепую блажь!

– Только вместе с головой! – В глазах девушки вспыхнул огонь. – Я почитаю твою волю, отец. Но у меня лишь одна жизнь. Если хочешь, забери ее так же, как дал! Но если оставишь – дай мне жить по моему усмотрению. Я не желаю себе в мужья Ширама. Таково мое слово.

Ардван молча глядел на дочь, лишь перекатывались желваки на его скулах. Будь на месте Аюны кто-либо другой, он и впрямь бы не дожид до утра. Но сейчас, с трудом одолев гнев, повелитель Аратты процедил:

– Ступай к себе. И думай! Много думай! Я желаю, чтобы ты наконец поняла, что в этой жизни действительно важно. Так и быть, в ближайшие несколько дней Ширам не пойдет с тобой к огню Исвархи. Но если за это время ты не одумаешься, клянусь – я прикажу поженить тебя с этим нечесаным Аорангом и изгоню вас вместе в земли мохначей!

Угроза отца испугала Аюну куда меньше, чем он полагал. Впрочем, она в любом случае не собиралась сдаваться так легко. Она снова вспомнила про сестру и Кирана и решила

сделать еще попытку.

– Скажи, отец, – тихо и задушевно произнесла она, – неужели на твоей памяти ни одна из женщин нашего рода не шла против твоей воли ради своего счастья? Неужели ни одна не полюбила всем сердцем мужчину из далеких чужих земель? Разве в этом есть что-то новое для тебя?

Ардван побелел и пошатнулся. Перепуганная Аюна кинулась к нему. Она не ожидала ничего подобного; ей показалось, что отца вот-вот хватит удар.

– Отец! Что с тобой? Вызвать врача?!

– Не трогай меня! – прорычал он. – Я велел тебе уйти! Так убирайся отсюда!

Аюна, всхлипывая, бегом бросилась прочь. Выскочив из палаты, она дала волю слезам. Святое Солнце, что же это творится?! Как он может так обращаться с ней! Она не рабыня, чтобы гнать ее за дверь, не желая выслушать. Нет, теперь она точно пойдет до конца!

Глава 5. Возвращение в столицу

Стражи у ворот Нижнего города преклонили колено, приветствуя возвращение наследника. За их спинами толпился народ, встречая всадников радостными криками. Сияющий Аюр, гарцуя, въехал под сень огромных врат. Вот они и дома!

«Оно и к лучшему, что государь не стал устраивать празднество в честь возвращения царевича», – думал Ширам, поглядывая по сторонам. Такой несчастливой Великой Охоты Аратта никогда не видывала – ни добычи, ни славы, да еще людей потеряли... Тут бы проскользнуть во дворец незаметно...

– Царевич Аюр! Царевич возвращается! – несло повсюду.

С боковых улиц, узких и извилистых, как воловьих кишки, начинал сбегаться народ. Но конные следопыты ехали быстро. Они миновали Нижний город прежде, чем успела собраться толпа. Дорога пошла вверх, и вот уже над едущими нависла громада красной скалы, увенчанной золотыми крышами храмов и дворцов, украшенных лазурными изразцами.

– А знаешь, я доволен, что нас не встречают как подобает, – тихо сказал Аюр едущему рядом с ним Ширазу. – Не хотел бы я сейчас встретить родственников всех тех, кто погиб на охоте! Наверняка во дворце уже ждет отец бедняги Аруна. Как бы то ни было, мне жаль его...

Ширам промолчал. Гибель этого мальчишки была жестокой необходимостью. И зря арьи полагали, что его казнь доставила маханвиру удовольствие.

«Все равно спросят не с тебя, а с меня, – подумал он. – И за ту казнь, и за потерю отряда, и за твою рану – хвала богам, что она зажила! – и за вчерашний ночлег тоже...»

Саарсан недовольно поджал губы. Враги сбежали, никого не удалось даже убить, не то что захватить живьем. Даже священный по рукам и ногам бьяр умудрился покончить с собой!

Но особенно его беспокоила девушка. По виду она в самом деле походила на вендку, разве что те были более рослыми. Но как может вендка так хорошо владеть оружием и приемами накхов? Ширам, как ни тщился, не мог представить себе того, кто стал бы обучать высокому боевому искусству, тайны которого хранятся внутри рода и передаются от старших к младшим, девчонку-рабыню, да не просто из чужого – из враждебного народа. Немыслимо!

Наконец узкие улочки Нижнего города остались позади. Всадники приблизились к каменной стене «туннеля смерти», поднимавшегося вокруг скалы к единственным воротам цитадели. Верхний город, расположенный на стесанной вершине красной гранитной скалы, сверху напоминал солнце. К дворцу государя вело двенадцать улиц, расходившихся в стороны подобно лучам. Одна из этих улиц вела к воротам, от которых и начинался перекрытый сверху деревянной галереей «туннель смерти».

Тем, для кого открывалась тяжелая решетка, приходилось ехать цепочкой по одному довольно круто вверх. Жители Верхнего города знали, что сверху и сбоку за всадниками следят бдительные лучники-арьи. Малейшее подозрение – и любой недруг окажется пронзенным стрелами, не имея никакой возможности защититься. Лишь время от времени на стене виднелись факелы, освещающие путь. Но даже при их зыбком свете разглядеть бойницы лучников было невозможно.

Зато сейчас они освещали иное. Уже в преддверии туннеля повеяло легким запахом тлена. Когда глаза путешественников привыкли к полутьме, их ждало устрашающее зрелище. По обе стороны каждого факела, насаженные на острые пики, торчали головы – судя по их виду, совсем недавно расставшиеся с телами.

Узнать лица несчастных не составляло труда. В сумраке слышались изумленные возгласы, сменившиеся тихими быстрыми перешептываниями. Только Ширам ехал молча, внимательно разглядывая искаженные смертной мукой лица, опасаясь узнать среди казненных кого-либо из друзей или родичей. Многие головы были ему знакомы. Здесь были царедворцы, судьи и даже военачальники – однако накхов среди них не оказалось.

– Да это же Артанак, Хранитель Покоя! – раздался рядом возбужденный голос Аюра. – Сколько тут знатнейших арьев! Неужели все они заговорщики?

– Ты спросишь об этом отца при встрече, – сухо отозвался Ширам, отворачиваясь от голов казненных.

Наконец впереди замаячили распахнутые ворота Верхнего города, и зловонный сумрак туннеля сменился радостным солнечным светом.

– Как хорошо вернуться домой! – провозгласил Аюр, щурясь от яркого солнца и с довольным видом оглядываясь по сторонам.

– Так и есть, – пытаюсь выдавить улыбку, подтвердил Ширам.

– Идем со мной во дворец! Я расскажу отцу о твоей доблести...

– Я был бы рад последовать за тобой, но мне следует омыть пыль и грязь долгого пути, а заодно сменить одежду. Негоже появляться перед властителем в обносках. Тем более, – Ширам указал на мрачные, украшенные прорезями бойниц каменные здания по обе стороны дороги, направленных острым углом к улице, – мои сородичи тоже наверняка будут рады узнать, что мы благополучно вернулись из столь непростого похода.

– Хорошо, – милостиво кивнул Аюр, глядя на ожидающий его у самых ворот отряд Жезлоносцев Полудня. – Я отпускаю тебя. Ступай. Но поспеши. Наверняка отец захочет увидеть и отблагодарить тебя. Не заставляй его ждать.

– Я появлюсь так быстро, что вы едва успеете заметить мое отсутствие.

Накхи неспроста ставили свои жилища углом к улице – так их было удобнее оборонять при случае нападения. Ши-раму эта и другие уловки были хорошо знакомы. Он спешил-ся и, ведя коня в поводу, прошел мимо высоких расписных дубовых ворот, даже не сбавив шага. Это была нехитрая ловушка: приняв ворота за настоящий вход, неприятель попытался бы выломать их, чтобы ворваться внутрь дома-крепости, однако вместо этого оказывался в глухом дворике под прицелом лучников, точно кролик в садке.

Саарсан обошел мрачное снаружи здание и оказался там, где оно смыкалось с соседним, почти таким же. Но едва он поравнялся с башенкой на стыке двух стен, как из нее выдвинулся помост и с него наземь тут же опустились дощатые сходни. Оставив коня снаружи, Ширам направился по ним вверх. Ему было прекрасно известно, что слуги займутся его животным и что можно не беспокоиться – скакун не пропадет. Даже если никто не пожелал бы о нем позаботиться, среди накхов не было воровства. Каждый из них сызмальства знал, что убить врага – почетно, отнять у него все достояние, женщин и скот – тоже вполне достойно. Но тот, кто решится похитить хотя бы черенок ложки у собрата, должен быть убит.

Оскорбление каралось не так сурово. Приговоренного

растягивали за руки и за ноги между двух столбов, и всякий проходящий мимо должен был огреть грубияна палкой. Если к ночи тот оставался жив, то считался испившим вино и его отпускали на все четыре стороны. Правда, иногда он оставался лежать на месте, не в силах подняться, и умирал к утру, но до этого уже никому не было дела. Одно о наках можно было сказать совершенно точно – они были исключительно вежливы. Разумеется, с теми, кого считали того достойными.

По приставной деревянной лестнице Ширам поднялся на башенку, вошел в открытую дверь на втором ярусе. Сходни вернулись в прежнее положение, и помост под шум зубчатых ворот спрятался обратно в стену. Саарсан пригнул голову, прошел вперед по изгибающемуся дугой коридору и наконец оказался во внутреннем двореке городской крепости нахов. Здесь все было совершенно иначе, чем снаружи. Усыпанные цветами кусты и вьющиеся зеленые лозы ласкали глаз, посреди небольшого пруда журчал небольшой фонтан.

Там же в саду на высоком подножии из священного белого камня стояло изваяние двенадцатиглавого змея. Перед ним горел светильник и лежали свежие цветы. Такое изваяние можно было увидеть в любом нахском доме. Если же нахам пеняли, что оно весьма напоминает жертвенник, те возражали, что эта статуя – просто знак быть всегда настороже.

Внутренняя стража приветствовала вошедшего, подняв и резко опустив лунные косы. Красивый, одетый в чешуйча-

тую броню юноша радостно бросился навстречу Шираму, распахивая объятия:

– Брат!

На сердце Ширама потеплело. Он знал этого юношу с детства. Мармар, маханвир отряда Жезлоносцев Полуночи, приходился ему двоюродным братом и носил высокий, пусть и неофициальный титул саардаса. Он почитался восьмым в списке престолонаследия несуществующего престола наков.

– Я ждал тебя! Мне сообщили, что ты с царевичем вернулся. Я приказал готовить празднество. Сегодня вечером все накхи, живущие в столице, соберутся здесь, чтобы восславить своего повелителя. Но до того, брат мой, я буду счастлив услышать твой рассказ о дальнем походе...

– Сначала – омовение и свежую одежду, – крепко обнимая родича, сказал Ширам. – А я хотел бы услышать от тебя рассказ о том, что значат головы, торчащие на пиках в «туннеле смерти». Когда я отправлялся с царевичем на Охоту Силы, эти люди не только были живы, но и почитались едва ли не главнейшими вельможами страны.

– Ты многое пропустил, братец, – отдав приказ подросшему слуге, вздохнул Мармар. – Все началось вскоре после вашего отъезда. Государь вызвал меня, приказал схватить Артанака и бросить его в темницу. Я сперва подумал, что ослышался, но не подал виду. Еще бы, Хранитель Покоя, член Тайного Совета...

– И арестовать такого человека Ардван поручил тебе?

– А кому же? Ведь государь – глава отряда Жезлоносцев Полуночи, пусть только и по имени. Я замещаю его, покуда он занят государственными делами. Кому, кроме нас, он мог довериться в столь щекотливом деле? Мы справились наилучшим образом, – гордо сказал Мармар. – А спустя пару дней Хранитель Покоя признался в заговоре. Впрочем, там, в подземелье, такие мастера заплечных дел, что и вон его заставят говорить. – Юноша указал на свернувшегося кольцом двенадцатиглавого каменного змея.

Ширам перевел взгляд на изваяние и чуть заметно ухмыльнулся шутке сородича.

– А дальше мы только и успевали привозить во дворец новых и новых заговорщиков. Кого там только не было!

– Да, я обратил внимание, – хмыкнул саарсан, вспоминая искаженные лица казненных.

– Ладно, об этом потом. Что еще нового... Опять скверные вести с севера.

– Море наступает?

– Да. Затопило еще изрядный кусок побережья. – Мармар на миг задумался. – В столице появился новый проповедник. Здешные зеваки от него в восторге, он умеет увлечь и запугать толпу своими видениями гибели мира...

– Что нам до него?

– Только то, что по его словам выходит: в гибели мира, и вообще во всех бедах Аратты, виноваты накхи. Прямо, ко-

нечно, ни в чем нас не обвиняет – попробовал бы он, – но... Раньше в нашу часть города ходили торговцы, а сейчас на площади во всякий день можно устраивать конные учения...

– А сколько наших воинов сейчас в городе? – поинтересовался саарсан.

– В отряде Жезлоносцев – двенадцать дюжин, а всего в столице полтысячи человек, пожалуй, наберется.

Ширам кивнул.

– А еще, – добавил его брат, – Ардван расспрашивал, нет ли вестей от тебя. Он полагал, что мы, накхи, можем как-то обмениваться мыслями. Просил разведать, жив ли ты и что случилось с его сыном. Он ужасно переживал, что вы пропали бесследно, и обещал Исвархе небывалые дары, если они сотворят чудо и вернут вас живыми.

– Что ж, это дело государя и Исвархи, – устало бросил Ширам. – Нам и без того есть кого благодарить. – Он увидел спешащего к фонтану слугу. – О, а вот, кажется, и вода для омовения готова.

* * *

– Сласти из жарких южных пределов! – кричал торговец у распахнутых дверей лавки. – Слаще меда, слаще женской любви! Взгляните на них, господа! Они подобны россыпи самоцветов! Их делают из прозрачного сока редчайшего алого клубня с юга Аратты, слаще которого нет ничего на свете!

Хаста едва глянул на торговца. Когда он отправлялся в путешествие, этой лавки здесь еще не было. Но, судя по чеканной диадеме над входом, крикун поставлял сласти прямо ко двору. Аоранг остановился перед входом, вспомнив свою первую встречу с царевной, и мечтательно улыбнулся:

– Знаешь что, ты пока иди к святейшему, а я тебя догоню. Только зайду сюда.

– Соскучился по сладкому? – ухмыльнулся Хаста.

– Это не мне... Иди, я догоню!

Хаста пожал плечами и направился к храму, размышляя о том, что мохначи, пусть даже самые умные и образованные, все же остаются дикарями. Так бы и сказал – хочу, мол, сладкого! Не ему, надо же! А кому, святейшему Тулуму?

Дорога была пустынна. Впрочем, улицы Верхнего города редко заполнялись народом. Обычно среди дня тут можно было увидеть трех-четырех слуг, спешащих по своим делам, или пышное шествие какого-нибудь вельможи, направляющегося ко двору повелителя, чтобы вечером с наименьшей торжественностью вернуться обратно. Тогда уж здесь были бы и скороходы, и рабы с опахалами, и стражи. Но в этот час вдоль улиц гулял ветер, вздымая утопанную ногами и копытами пыль.

Ухватив поудобнее котомку с записями, Хаста легко шагал, радуясь скорой встрече со своим учителем и благодетелем Тулумом. Данное им поручение было выполнено безупречно. Еще бы – царевич жив, и во многом благодаря

именно его усилиям; сам он побывал в столь дальних краях, о которых никто из жрецов и не слышал, и привез подробнейшие путевые заметки и зарисовки. По этим заметкам сможет пройти любой, кто последует за ним. А сколько описано примечательных мест, зверей, племен и их обычаев...

Тяжелая рука легла ему на плечо. Рыжий жрец повернулся. Позади него стояли двое рослых воинов городской стражи.

– Ты Хаста, человек Тулума? – спросил один из них, здоровенный полукровка, каких часто набирали в стражи порядка.

– Я – *жрец* Хаста. – Он попытался придать голосу высокомерное звучание и стряхнуть с плеча руку. – Ты не имеешь права...

Но воин лишь сильнее сжал пальцы:

– Начальник городской стражи велел доставить тебя, будь ты хоть хранитель алтаря в главном храме Солнца. Идем с нами. И не вздумай сопротивляться, если не хочешь изведать вот этого!

Полукровка встряхнул висевшую у него на запястье граненую дубинку, усеянную рядами бронзовых шипов.

У Хасты чуть не подкосились ноги от ужаса. Он тут же вспомнил отрубленные головы в коридоре смерти. Многие лица ему доводилось видеть прежде. Неужели и святейший Тулум был среди них?! Нет, он не мог бы пропустить та-

кое! А может, правитель не пожелал выставлять голову брата? Как иначе объяснить то, что с ним сейчас происходит?

– Идем, идем. – Старший из стражников потянул его за руку. – Не заставляй нас ждать!

«Меня казнят, – стремительно мелькали мысли в сознании у Хасты. – Но сначала будут пытаться, иначе не стали бы вот так хватать посреди улицы. За что? Да, в сущности, какая разница за что!»

Ему припомнились давние годы, такие же городские стражи в далеком Майхоре, которые как-то излупили его за то, что он стащил лепешку с прилавка. Тогда он отлежался в высокой траве, скуля от боли и питаясь лишь росой. Больше городским стражам поймать его не удавалось... Словно проснувшись, в молодом жреце вдруг ожил тот голодный мальчишка.

– Ой я несчастный! – слезливо завопил он, извиваясь в руках стражей.

– Эй, уймись! – прикрикнул полукровка.

Но в этот самый момент зубы Хасты впились ему в большой палец. Стражник заорал от неожиданной боли и разжал руку. В тот же миг рыжий жрец боднул его головой в живот, опрометью бросился вперед, перемахнул через ограду какого-то сада и упал в кусты с другой стороны. В тот же миг он услышал за спиной гневный голос Аоранга:

– Что тут происходит? Как вы посмели поднять руку на жреца?

Мигом сообразив, что получил отсрочку, Хаста вскочил на ноги и быстро огляделся. Заметив перед собой резной садовый домик, он сквозь распахнутое окно проскользнул в него, подпрыгнул, ухватился за стропило и спустя мгновение притаился на нем в ожидании возможной погони. За оградой все еще раздавались резкие голоса мохнача и возгласы городской стражи.

– Уберите руки! – отчетливо слышался звучный голос Аоранга. – Я пойду сам. Мне бояться нечего, я ни в чем не виновен!

«Беги, глупец!» – хотел крикнуть ему Хаста, но страх за себя заставил его промолчать.

«Пусть разбираются, – мелькнуло в его голове. – А я пока схожонюсь. Ну а как все уляжется, тихо проберусь в храм... Может, все же повелитель не тронул святейшего Тулума? Тогда он непременно возьмет меня под свою защиту...»

Глава 6. Смертельная обида

Распорядитель сада Возвышенных Раздумий лично вышел приветствовать саарсана накхов и принять из его рук полагающиеся даже к парадному платью боевые мечи. Ширам отдавал их с неохотой. Он терпеть не мог расставаться с оружием. Но с другой стороны, распорядитель, хотя и поглядел изучающим взглядом на обернутый четырежды вокруг талии витой пояс, украшенный гранеными остриями из светлой бронзы, все же не сказал ни слова. А ведь, поди, знал, что в умелых руках накха такое оружие способно поразить на полном скаку всадника в доспехах.

Стражники почтительно распахнули ворота сада, и Ширам, гордо расправив плечи, направился вглубь сокровенного места уединения повелителя, где тот принимал лишь самых близких людей и обдумывал деяния, которые должны были прославить его и послужить укреплению державы. «Наверняка Аюр уже рассказал отцу о тех бедах и опасностях, которые нам довелось пережить вместе», – промелькнуло в голове саарсана. Нет, конечно же, он не станет просить себе какой-нибудь награды. Пожалуй, единственная просьба, с которой он обратится к Ардвану – если тот, конечно, изъявит желание выполнить ее, – дать ему отряд, чтобы вернуться и покарать ингри за измену. А заодно и захватить чучело чудовища, чтобы доказать всем доблесть царевича.

Но все же наверняка по справедливости государь пожелает вознаградить своего будущего зятя. Ибо мудрость его может тягаться лишь с его бдительностью...

Ширам припомнил свои мысли тогда, после падения со скалы. Если в них и впрямь есть разумное зерно, то, быть может, следует предложить государю столь решительные преобразования и дать достойным простолюдинам возможность проявить себя? Это лишь укрепит державу...

Ардван поджидал его внутри резной мраморной колоннады в центре сада.

– Подойди ко мне! – довольно резко приказал государь.

Ширама озадачил этот тон, но он безропотно повиновался. И, взойдя по невысокой лестнице, замер, склонившись перед Ардваном.

– Ты не очень-то спешил предстать пред мои очи... Мне доложили, что ты уже побывал у сородичей.

– Прошу извинить мне эту вольность. Я был покрыт пылью и пропах своим и конским потом. К тому же мне следовало поменять одежду...

– Я не девица, меня не смущают ни пыль, ни пот, – раздраженно бросил государь. – Я думаю, ты послал вперед моего сына, чтобы тот замолвил за тебя слово. Что ж, он говорил много, и, не скрою, говорил хорошо. Но он еще юнец, которому легко затуманить разум. Ты же – взрослый муж, а потому я желаю говорить с тобой открыто. И от того, будешь ли ты со мной искренен или же попробуешь юлить, зависит

как твоя участь, так и судьба твоих соплеменников.

– Я всегда был неуклонно верен тебе, мой государь, – разводя плечи, словно после удара по спине, произнес побледневший Ширам.

Слова и тон повелителя поразили его до глубины души.

– Опустит глаза! Не смей устремлять на меня взгляд! – выкрикнул Ардван, как будто один вид нахх злил его. – Ты дерзаешь бросать мне вызов?

Саарсан поклонился. Мысли его зашевелились. Что случилось? Может, его оговорили? Но кто, когда?!

– Вот так-то лучше!

Ардван прошелся взад-вперед вдоль колоннады, словно стараясь унять гнев. Когда государь вновь обернулся к саарсану, он выглядел спокойнее. Но это застывшее лицо показало Шираму еще более зловещим.

– Когда ты въезжал в город, наверняка видел головы заговорщиков?

– Видел.

– И каждый из них точно так же уверял, что неуклонно верен мне. Я доверял им много лет. Много лет они служили мне честно и преданно. Понимаешь, Ширам? Честно и преданно! Я был уверен в них, как в себе... И что же? В благодарность за все, что я им даровал, за власть и богатства, они задумали лишить меня власти, а может, и самой жизни!

– Я преклоняюсь перед твоей мудростью, мой повелитель...

– Все это лишь слова! – отмахнулся Ардван. – Если ты хочешь, чтобы я поверил тебе, отвечай без утайки. И знай: мне известно больше, чем ты можешь даже предположить. То, что кое-кто из тех, с кем ты был дружен и близок, хотели бы утаить... И если я сейчас спрашиваю тебя, то не затем, чтобы узнать их замыслы, а лишь для того, чтобы проверить твою искренность.

– Накхи не лгут, – глухо напомнил Ширам.

– Да, я помню, – насмешливо бросил Ардван. – Никогда не лгут тем, кого считают своими. У накхов даже слова «ложь» в языке не существует. Но есть понятие военной хитрости. И врагу они и дорогу в пасть к Первородному Змею могут описать, не смущаясь и без запинки.

– Но...

– С тобой был молодой жрец, – перебил его государь. – Его звали Хаста. Так ведь?

– Да, это так.

– Ты знаешь, кто он?

– Служитель в главном храме Исвархи.

– Точно, – довольно подтвердил Ардван. – Служитель в храме моего дорогого младшего брата Тулума. Его доверенное лицо. Умный, храбрый и ловкий, как мангуст... Ты знаешь сказки о мангустах – убийцах змей?

– Да... Они вступают с ними в схватку и порой побеждают...

– Хорошо, что ты помнишь об этом. А теперь ответь: о чем

говорил с тобой в пути огнехранитель Хаста? Что предлагал? Кого упоминал в своих разговорах?

– Мы не так уж много беседовали с Хастой, – медленно ответил Ширам. – Всю дорогу он был углублен в свои изыскания, вел заметки о землях, через которые лежал наш путь, о людях, нами встреченных, и событиях, с нами приключившихся. Каждое мое слово легко проверить по его записям.

– Проверим, можешь не сомневаться. Хотя много ли в них правды, в тех записках? А вот то, что в твоих словах ее нет, мне кажется очевидным!

– Накхи не лгут! – вновь напомнил Ширам, едва сдерживаясь.

– Тогда как ты объяснишь, что в город вы въехали, едва не обнявшись?

– Это невозможно сделать при всем желании. В «туннеле смерти» всадники следуют по одному.

– Ты понимаешь, о чем я говорю! – рявкнул Ардван.

– В дороге Хаста показал себя лучше многих знатных арьев, – ответил Ширам значительно более резко, чем собиравался. – Он неоднократно проявлял мудрость, знание наук, лекарское искусство и неподдельное благочестие. Если бы не он, я бы, вероятно, не стоял перед вами, а сложил бы голову на скалах Лосиных Рогов или дальше, когда на Змеином Языке на нас напали ингри...

– Так вот оно что! – хмыкнул повелитель, явно и прежде слышавший эту историю. – Что ж, я рад, что ты чистосер-

дечно признал это.

– Признал что? – забывшись, гневно воскликнул Ширам.

– Ты злишься? Это хорошо. Значит, нарыв скоро прорвется...

– Я лишь сказал правду!

– Конечно. Ты признался, что обязан жизнью жрецу и поэтому его покрываешь.

– Об этом я не сказал ни слова!

Правитель Аратты расхохотался ему в лицо:

– Как хорошо, что вы, накхи, не просто не лжете, а не умеете лгать! Не сказал ни слова? Ты будто следишь за собой, не сболтнуть ли чего лишнего. Но тебе есть что сказать... Если не хочешь сознаваться в измене, ответь мне честно и без утайки: куда подевался отряд, сопровождавший царевича? Полторы дюжины знатнейших жезлоносцев? Десятки опытных охотников? Слуги? Где они?

Ширам сразу сник:

– Увы мне, государь, все они мертвы.

– Вот это – правда. Все они мертвы. Только, по моим записям, жалкие дикари ингри, на которых ты готов свалить вину, вряд ли смогли бы выставить против вас бойцов, способных разгромить свиту Аюра. Я уж не говорю о том, что при желании ты один смог бы перебить все их племя...

Государь принялся прохаживаться туда-сюда по колоннаде, не сводя с накха пристального взгляда.

– Итак, отвечай без утайки – кто виноват в гибели отряда?

Ты? Или же... Хаста? Отвечай – и хорошенько подумай перед тем, как откроешь рот. Быть может, жрец Хаста, исполняя чужую волю, подстроил гибель наших воинов? Быть может, он хотел похитить Аюра и тем самым лишить державу наследника?

– В гибели отряда виноват я, мой государь, – мрачно ответил Ширам. – Я и злой рок. Жрец Хаста – спаситель наследника. И меня. Хотя, похоже, мне тоже стоило сгинуть в чужих землях с остальными, чтобы имя мое не марали подозрениями...

– Успеешь сгинуть, – недовольно бросил Ардван. – Ладно. Я верю тебе. Ступай. Я дам тебе отряд и отправлю управлять крепостью в степи Десятиградия. Но помни – твоя участь все же под вопросом.

– Государь... – с трудом выговорил Ширам. – Я исполню твою волю, какой бы она ни была. Но... Позволишь ли ты взять в полуденные степи и твою дочь, мою невесту?

– Помолвка будет расторгнута, – глядя в сторону, коротко объявил Ардван. – У меня и так хватает родичей, которым я не могу полностью доверять, зачем мне терпеть еще одного? Ты вернулся, сохранив мне сына, и я не стану подвергать тебя допросу и пытке, чтобы вытащить всю правду. Но большего ты не заслуживаешь.

И повелитель Аратты развернулся к накху спиной, показывая, что разговор окончен. Ширам, пятясь, отступил из колоннады и на негнущихся ногах удалился из сада, чувствуя

себя совершенно растоптанным.

* * *

Стражники у ворот сада Возвышенных Раздумий раздвинули копья, пропуская саарсана. Тот прошагал мимо, не посмотрев ни как стоят воины, ни как скоро могут схватиться за оружие в случае необходимости. Такого с ним не случилось уже много лет.

В ту пору, когда Ширам жил в Накхаране, его, как и прочих юнцов, непрерывно учили оценивать возможного врага и мгновенно отвечать на его действия. Унылый раб с заступом; торговец, нарезающий мясо; даже простая горожанка с кувшином воды – все могло таить опасность. Пока Ширам не свыкся с этой простой мыслью, он много раз получал внезапную и жестокую трепку. Конечно, убивать внука прежнего саарсана никто не стал бы, однако били, не смущаясь высоким происхождением. Шрам от расколотого о голову глиняного кувшина так и остался на лбу хорошим напоминанием о бдительности.

Но сейчас он будто забыл об усвоенных с детства уроках. Перед его глазами стояло только раздраженное лицо Ардвана. Будь на его месте кто-то другой, он бы умер, не успев договорить первую же оскорбительную фразу. Но перед Ширамом стоял солнцеликий повелитель Аратты!

Сердце воина рвалось на части от возмущения и неспра-

ведливости. Хуже всего была несправедливость. Как мог государь заподозрить его в заговоре, пусть даже в соучастии? Как мог обвинить его в том, что он покрывает преступника? Ведь любой нах, даже разбуженный среди ночи, скажет, что, обнаружив врага государя, он обязан сам незамедлительно его убить. Или же, если будет на то воля старших, привезет связанным по рукам и ногам ко двору повелителя. Как, как Ардван мог даже подумать, что вернейший из его воинов пал столь низко?!

Что значат это взбешенное лицо и надменный тон? Разве он не рисковал своей жизнью, чтобы спасти наследника престола? Разве мало сделал, чтобы Аюр вернулся под отчий кров возмужавшим и набравшимся опыта? Что произошло? Что вообще творится в столице?

Ширам брел между увитых виноградом колонн, пошатываясь, точно кто-то вновь огрел его по голове кувшином, как в тот злополучный день. Ему почему-то вспомнилась узкая пыльная улочка в родной крепости Афайя. Идущая навстречу девушка была прелестна, точно весенний рассвет. Глаза ее сияли, и на свежих губах играла завлекательная улыбка. Желая проявить изысканную вежливость, он тогда посторонился, отвел плечо, пропуская красавицу. Хотел сказать ей, сколь она хороша, и только открыл рот, как эта фраваша в земном обличье змеей скользнула к нему и увесистый глиняный кувшин с силой опустил на голову юноши.

Пришел в себя он от звонких пощечин отца.

– Ну что, испил водицы?

– Испил, – ощупывая кровоточащую шишку на лбу, процедил Ширам.

– Тогда запомни. Слабость и красота – страшное оружие. Оно поражает даже тех, против кого не властен меч и отвага.

Сказав это, отец развернулся и ушел. Ему нужно было спешить – государь послал его бороться с наводнением в северные уделы. Так уж вышло, что это оказались его последние слова, услышанные сыном.

Как же так? Что случилось? Что заставило государя сменить прежнюю милость на гнев?

Ширам вдруг остановился. «А не повидаться ли с моей нареченной, царевной Аюной? – осенило его. – Кто, как не она, знает, что таится на душе у отца? Может, она разъяснит мне, в чем я провинился? Может, подскажет, как загладить неведомую оплошность?»

Ширам поднял глаза и окликнул идущего впереди слугу – распорядителя сада.

– Ступай! Предупреди мою невесту, царевну Аюну, что я во дворце и направляюсь к ней.

* * *

Слуга с поклоном удалился, а Ширам остался на месте, прислонился к колонне и начал придумывать слова, с которыми обратится к Аюне. Право слово, возвышенные речи не

были его сильной стороной. Он умел изъясняться кратко и четко, однако беседовать со столь высокородными столичными дамами ему доводилось редко, да и особой охоты он к этому не испытывал. К этим, как он слышал, нужен особый подход, красивые слова...

Его внезапно одолела какая-то странная нерешительность. Ширам сердито тряхнул головой, будто отгоняя морок. В конце концов, их помолвка была лишь государственным делом. И если так, то сейчас он ищет не поддержку преданной и любящей жены, а союзника в борьбе против придворных интриг, в коих нах мало смыслил. Пусть она поможет ему во дворце – а он готов предоставить ей своих непревзойденных воинов и собственную доблесть. Да, вдвоем они будут огромной силой – лишь бы только Ардван смирил гнев на милость. А если еще прибавить дружеское отношение Аюра...

Он не успел додумать пришедшую ему в голову мысль. Появившийся слуга, стараясь держаться подальше от саарсана, растерянно объявил:

– Солнцеликая Аюна не желает вас у себя видеть.

Ширам выпрямился так, что слуга отпрянул, выставя перед собой руки и причитая:

– Я лишь передал ее слова! Дочь государя нынче совсем не в духе. Я лишь пересказал...

– Замолчи и веди меня к ней! – рявкнул саарсан.

– Но солнцеликая...

– Я приказал тебе замолчать!

Он сделал шаг, поймал слугу за плечо, резко повернул и толкнул вперед:

– Веди!

* * *

Стража покоев солнцеликой Аюны, увидев разгневанного саарсана, постаралась как можно меньше привлекать его внимания. В конце концов, спаситель государя, а теперь и его сына, был знатным вельможей и нареченным царевны. Так что, если жениху с невестой пришла в голову блажь хорошенько побраниться, охраны это не касается.

Аюна сидела перед серебряным зеркалом, неподвижно глядя на свое отражение, пока служанки расчесывали ее длинные волосы цвета меда. Лицо царевны было безмятежно, но то была лишь привычная маска, которая на сей раз давалась ей с большим трудом.

«И что саарсану вздумалось идти ко мне? – гадала она, сжимая влажные от волнения ладони. – Разве я не сказала отцу со всей твердостью, что не хочу этого брака? Разве Киран не намекал, что накхи нынче впали в немилость?»

«А может быть, отец его и послал сюда? – подумала вдруг она. – Да, очевидно, Ширам сейчас идет от государя и теперь потребует от меня объяснений...»

Может, отец желает, чтобы она сама, глядя в глаза, сказала

накху, что не любит его и не хочет быть его женой? Так она не побоится и скажет!

«Пусть поймет, что он мне не мил, и уйдет сам. Я царица. А он – всего лишь накх...»

Ширам вошел беззвучно и поклонился, однако ответа не дождался. Аюна даже не обернулась в его сторону.

– Я рад приветствовать мою невесту и госпожу, – стараясь погасить в душе негодование, повторил накх.

– А я не рада, – кинула царица через плечо, глядя на отражение саарсана в зеркале серебряного диска. – Разве я сказала непонятно? Или же речь накхов так отличается от нашей, что маханвир не уразумел смысл моих слов? Если так, повторю их: достойный саарсан, твое присутствие в моих покоях не радует меня. И потому я желаю, чтобы ты незамедлительно оставил их.

Ширам усилием воли подавил полыхнувший гнев и заговорил после маленькой паузы:

– Яснее не скажешь, солнцеликая Аюна. Однако смею тебе напомнить, что я не праздный гость, который навязывает тебе свое присутствие. Мы принесли клятвы перед огнем Исвархи, и эти клятвы священны. Ты носишь мои обручальные браслеты, а я твои. И близок день, когда в храме Солнца верховный жрец обведет нас вокруг священного неугасимого пламени. И наши народы, много лет лишь проживавшие бок о бок друг с другом, станут наконец единым целым – великим народом великой Аратты...

– Ширам, сын Гауранга! – Царевна встала и обернулась так резко, что ее волосы взметнулись золотистым вихрем. – Когда мой отец и повелитель счел правильным, чтобы я разделила с вами ложе и саму жизнь, я, как преданная дочь, не перечила ему. Но сегодня я говорила с ним и повторяю тебе – я не желаю этого брака. Сделай же мне драгоценный подарок – избавь меня от своего присутствия! И что за нелепые речи о едином народе? Арьи всегда будут арьями, а накхи – всего лишь накхами, так же как Солнце никогда не станет Луной...

– К чему эти речи, царевна? Для чего ты унижаешь сейчас народ накхов, меня, да и себя заодно? – собрав всю свою почтительность, негромко произнес Ширам. – Я лишь хочу говорить с тобой. Мне это нужно!

– А мне нет. Я не хочу ни слышать, ни видеть тебя.

Царевна величественно указала рукой на дверь:

– Удались, саарсан. И более здесь не появляйся.

– Я ничем не заслужил подобного обращения! – В голосе Ширама прорвалось возмущение. – И никто не смеет говорить со мной таким образом!

Прекрасные глаза Аюны вспыхнули от ярости.

– Не смеет? Ты будешь указывать мне, что делать, а что нет?

– Да! – глядя ей в лицо, сказал Ширам. – Потому что ты произнесла священные слова перед ликом огня и надела обручальные браслеты. А значит, я буду говорить тебе, что де-

лать, а что нет!

– Ах ты, ядовитый нахх!

Разгневанная царевна отскочила от столика, опрокинув кресло. Ее служанки, явно знавшие вспыльчивый нрав хозяйки, прыснули в стороны.

– Браслеты?! На, получи!

Она сорвала с запястья левой руки обвивающую его золотую эфу и швырнула Шираму. Тот молча поймал священный браслет на лету и сделал быстрый шаг в сторону царевны.

– Не приближайся! – в страхе крикнула она.

Не обращая внимания, саарсан шагнул еще раз.

– Стража! – завопила солнцеликая Аюна, и четверо воинов тут же ворвались в покои, повинувшись ее крику.

Удерживаемая до поры до времени боевая ярость закаталась в груди саарсана. В отличие от охранников, в растерянности столпившихся у входа, Ширам не сомневался ни в едином движении. Ярость искала выхода и нашла его. Кажется, он только развернулся, и тут же отсеченная голова одного из воинов отлетела в сторону, а из разрубленной шеи другого ударила струя крови. Изогнутые парные клинки вновь блеснули, и прежде чем оставшиеся в живых стражники успели хоть что-то сделать, как присоединились к своим мертвым сотоварищам.

– Нет! – пятась, бормотала дочь государя. – Нет, я не хочу... Не подходи!

Не говоря больше ни слова, Ширам подошел к ней, схва-

тил за руку и с силой надвинул браслет на прежнее место.

– И никогда больше не смей его снимать! Даже когда ты будешь всходить на мой погребальный костер, ты должна быть в них!

– Нет...

– Да. – Он перехватил ее горло и легонько сжал.

До удушья было далеко, но царица обмякла и лишилась чувств.

Ширам внезапно успокоился. Он осторожно положил Аюну на ковер, выпрямился и обвел взглядом место побоища. Четверо мертвых воинов-арьев – это плохо. Это очень плохо... Кому теперь расскажешь, что хотел всего лишь поговорить? Кто поверит?

Что ж, сделанного не воротишь. А значит, очень скоро ему придется умереть. Осталось лишь решить, как сделать это достойно.

– Мой господин...

Одна из служанок царицы выбралась из-за полупрозрачной занавеси в углу и преклонила перед ним колени.

– Прошу, не убивай нас, благородный Ширам! Мы почитаем тебя как своего господина и никогда не желали тебе дурного. Не убивай нас, и я выведу тебя отсюда! Выведу тайным ходом...

– Что? Здесь есть тайный ход?

– Есть, через сад, я не вру!

– Что ж, веди, – раздался бесстрастный голос накха.

Ширам легко закинул на плечо бесчувственную царевну, обвел служанок мрачным взглядом, от которого у тех затряслись поджилки, и сказал негромко:

– Вы пойдете со мной до выхода. Если попыбуете крикнуть или сбежать...

Объяснений не потребовалось – девушки были хорошо наслышаны о метательных шипах наххов.

– Ступайте вперед!

Глава 7. Святое Пламя

Хаста прильнул к балке так тесно, что, казалось, чувствовал вкус и запах влажной от утренней росы древесины. Сердце его колотилось, будто пытаясь вырваться из груди. С улицы доносились удаляющиеся голоса стражей и Аоранга. Стало быть, мохнач не стал сопротивляться и дал себя задержать. «Дуралей, раскидай их и беги, пока не поздно!» – мысленно воззвал к нему Хаста. Он был почти уверен, что больше никогда не увидит своего приятеля – если, конечно, его самого не поймают и он не окажется в том же подземелье с ним по соседству.

Аоранг, с младенчества росший под высоким покровительством святейшего Тулума, все еще верил в справедливость и опрометчиво полагался на свою невиновность. Как вчера родился! Хаста-то давно уже знал, что вина или ее отсутствие не имеют для тех, кто правит, никакого значения. Сама попытка стражей задержать служителей храма вопреки закону уже говорила о многом...

Не так, ох не так представлял он себе возвращение в столицу!

Конечно, ждать наград от государя не стоило – награды, если они и предполагались, достались бы Шираму, как главе Великой Охоты. Но без ложной скромности Хаста сознавал, что порученное ему дело выполнил наилучшим образом. Он,

несомненно, заслужил похвалу Тулума и впредь мог рассчитывать на особо важные и тайные задания.

И вдруг такое! Совсем недавно, если жрецу Исвархи доводилось в чем-то провиниться, его судьбу решал храмовый суд. И только если служители всесильного солнечного бога выносили приговор, отщепенца выкидывали из храма – безымянного и бесправного. Отныне никто не смел давать ему приюта и оказывать покровительство. Даже куска черствой лепешки ему бы не подали.

Теперь же вон как все изменилось: посреди бела дня городская стража хватает жреца, будто разбойника!

Хаста вытянулся вдоль балки и чуть расслабил сведенные руки, переводя дух. Кажется, стражи увели мохнача и погони пока нет. Что теперь предпринять?

«Надо пробраться к святейшему Тулуму, рассказать о том, что случилось с Аорангом, и попросить его о защите, – пришло ему на ум первым делом. – Уж точно повелитель не тронул родного брата!»

Но в голове молодого жреца тут же всплыло недавнее видение их въезда в Верхний город. Пожалуй, всех, чьи головы он опознал, можно было назвать самыми близкими людьми государя. Неужели червоточина заговора проникла столько глубоко? Что, если и святейший Тулум схвачен?

Эта мысль показалась Хасте нелепой и кошунственной и оттого особенно страшной и правдоподобной. Он невольно крепко зажмурился, будто мир, недавно такой прочный и

устойчивый, вдруг треснул и начал рассыпаться на части у него на глазах.

Хаста попытался прогнать от себя эту мысль, но она не отступала. Трещина, как там, в Ползучих горах, расколола Аратту. Пока он не видит ее краев, но каждый новый шаг грозит лютой гибелью. Когда разрушается привычный мир, один человек ничего с этим не сделает. Все, что он может, – только попытаться спасти себя самого.

«Бежать прочь отсюда, из столицы! – подумал он, чувствуя себя так, будто где-то вдалеке сквозь сплошные тучи проглянул край ясного неба. – И мне есть куда...»

Хаста поймал себя на том, что вслед за мохначами назвал Змеиный Язык Ползучими горами. Где-то там, за пределами страны, ждет его преданная и влюбленная Айха. Не настало ли время выполнить свою клятву? Царевич доставлен к отцу, дело сделано – а в землях мохначей беглого жреца уж точно искать никто не станет...

«Нет, так нельзя, – спохватился Хаста, чувствуя приступ стыда. – Для начала, по крайней мере, следует узнать, что с Тулумом. Когда-то он спас меня от меча – неужели сегодня я удеру, даже не позаботившись узнать, нужна ли ему моя помощь?»

Несколько мгновений он размышлял, причем и желание сбежать к мохначам, и намерение пробраться в храм казались ему и одинаково верными, и равно безумными.

«Но есть ведь еще один выход, – подумалось вдруг ему. –

У самых ворот – крепость накхов! Уж наверняка Ширам примет меня. Он хоть и лютый зверь – если никого с утра не прикончил, считай, день пропал зря, – но в чувстве справедливости ему не откажешь. И уж точно саарсан не станет выдавать человека, спасшего ему жизнь. А если что, так с ним и его людьми и покинуть город, и к храму пройти будет куда как проще... Хорошая мысль! Да, так и сделаю!»

Хаста глубоко вздохнул, прислушался – с улицы ничего слышно не было. Тогда он пошевелился, намереваясь прыгнуть. Но тут где-то поблизости, видимо в саду, раздался звук приближающихся шагов. «Двое, – на слух определил Хаста, вновь замирая на своем насесте. – Шаги тяжелые и твердые – значит мужчины. Судя по звяканью украшений – скорее всего, арьи...»

Рассмотреть их было невозможно, да оно того и не стоило. Лучше не высовываться. Что бы им ни было нужно в садовом домике, потом они уйдут, и возможно, очень скоро.

Тем временем шаги раздались уже совсем близко. Затем послышался властный голос:

– Вытащи из ограды вон те два столбика!

– Да, мой господин.

– Один дай сюда. Вот видишь отверстие с другой стороны?

Под столешницей такое же.

Хаста немедленно вспомнил резной столик, стоящий где-то внизу. За таким приятно вкушать сласти, любуясь закатом светила. Но тем, кто находился внизу, явно было не до уго-

щений. Жрец услышал натужный скрип ворота, и тут часть пола сдвинулась, открывая взгляду идущую вниз лестницу.

– Учитель, – склонившись над лазом, почтительно окликнул кого-то неведомый вельможа, – вам нужно спешно сменить убежище!

– Что еще такое? – послышался снизу недовольный старческий голос.

– Там за воротами – дворцовая стража. Они ищут жреца и утверждают, что им доподлинно известно, что он прячется здесь.

– И что ж, ты не смог их выпроводить?

– О нет, я не пустил их. Но по велению государя после мятежа дворцовая стража имеет право досматривать любой дом.

– Даже твой? – ядовито спросил неведомый старец. – Вот уж не думал!

– Артанак, Хранитель Покоя, тоже не думал, что его посмеют схватить прямо в собственном саду, – вздохнул его собеседник. – Нам стоит поспешить, учитель. Я задержу стражу, а пока мой человек отведет тебя в безопасное место.

– Не ты ли утверждал, что безопаснее этого и быть не может? – сварливо ответил старец.

Из подземелья донесся медленный скрип ступеней. Хаста, затаив дыхание, глядел во все глаза, хоть и понимал, что куда разумнее было бы зажмуриться и заткнуть уши. Это что еще за обитатель подземелья, которого надо прятать от стражи?

– Я нашел убежище гораздо лучше, – поспешно говорил тем временем неведомый арий. – Если гнездо уже разорено, никто не будет искать там жертву...

– Хе-хе. Я тебя понял.

Старик поднялся наверх и теперь стоял, потирая поясницу. Но, кроме его обритой макушки и сутулой спины, покрытой простой бурой накидкой бедного жреца, Хаста ничего не мог разглядеть.

– Когда ты уже начнешь? – раздраженно спросил старик. – Я устал прятаться, будто крыса!

– Уже скоро, учитель! Хранитель Покоя был напыщенным болваном, но своей смертью он принес нам больше пользы, чем жизнью. Теперь государь полагает, что под пыткой вытянул из него сведения о заговоре накхов...

– И Ардван ему поверил? – хмыкнул жрец.

– Мне только что доложили из дворца – саарсан был у государя. Выскочил оттуда как ошпаренный, чернее грозовой тучи. Что это значит?

– То, что время настало, глупец! Почему ты все еще заставляешь меня сидеть в этой норе?!

– Учитель, твоя беседа с народом на торжище в Нижнем городе была столь великолепна, что вся столица только о ней и твердит уж который день. – Кроткий упрек в голосе говорившего был едва ощутим. – Особенно красноречива была ее часть, посвященная накхам и их сношениям с Первородным Змеем....

Старый жрец расхохотался:

– Если я пожелал немного развлечься после долгого и скучного пути, что могло мне помешать?

– Ничто, учитель. Теперь тебя повсюду ищут дворцовая стража и храмовая стража Тулума, не говоря уже о наках, – должно быть, твои слова чем-то огорчили их...

Старик снова беспечно рассмеялся и хотел что-то добавить. Но тут в саду зазвучали новые голоса, грубые и отрывистые, сопровождаемые лязгом оружия.

– Господин, они отказались меня слушать! Они оттолкнули меня и выбили дверь!

– Прочь с дороги! Нам доподлинно известно, что в этом саду скрывается жрец-мятежник!

– Да как вы посмели сюда вторгнуться?! – раздался яростный возглас вельможи, метнувшегося навстречу стражникам.

– Приказ государя, – услышал Хасти бесстрастный ответ. – Укрывшийся здесь заговорщик чрезвычайно опасен и должен быть немедленно препровожден в дворцовую тюрьму. А те, кто его прячет...

– Ты что, смеешь обвинять меня в укрывательстве?!

– ...будут взяты под стражу вместе с ним. Парни, обыщите тут все!

Хасти сжался в комочек на своей балке, хоть и понимал, что снизу его не видно. У него голова шла кругом от услышанного. «Это я – чрезвычайно опасный заговорщик?! При-

каз государя?! О Святое Солнце!»

Он так разволновался, что едва услышал внизу громкий голос старого жреца:

– Эй! Я здесь!

Внизу прогремели нестройные шаги подбегающих стражников, миг окруживших старика. Тот даже не шевельнулся – но, дождавшись, когда вокруг столпились воины, вскинул руки.

– Куда же вы, здесь все в огне! – воскликнул он странным голосом, болезненным эхом отзывавшимся в ушах Хасты. – Вы же сгорите!

Садовый домик мгновенно наполнился дикими криками, переходящими в хрипение. Воины один за другим попадали на пол. Кто-то катался, пытаясь сбить несуществующее пламя, кто-то корчился, как от боли. Искривленные лица, вытаращенные глаза, и более того – потрясенный Хаста со своего наместа увидел, как руки и лица стражников в самом деле покрываются пузырями ожогов.

Рыжий жрец прикусил себе кулак, чтобы не заорать и не привлечь к себе внимание страшного старца. Он и сам знал немало хитрых приемов, чтобы морочить головы простакам. Но он не видел, чтобы старец применил один из них. Старик ничего не бросал и не распылял, не было ни запаха, ни дыма.

«Он просто сказал им, что они в огне, – и они поверили... и сгорели! Ох, что-то и мне стало жарковато...»

Хасту замутило. Он только боялся, как бы не свалиться с

балки прямо старцу под ноги. Чувства обманывали его; ему казалось, что садовый домик наполнен вонью обгорелой плоти и дымом. Он вскидывал голову и оглядывался, чтобы убедиться, что ничего вокруг не горит, и всякий раз его бросало в жар, но пламя, если и было, оставалось невидимым...

Старый жрец не шевельнулся, пока крики и стоны не затихли. Потом он вышел наружу. Хаста вновь услышал его голос – такой ровный, словно ничего особенного не произошло.

– Их поразило пламя Исвархи. Распорядись спрятать трупы, и пойдем в новое убежище. Надеюсь, там будет не так многолюдно, – ехидно добавил он. – Твой тайный сад напоминает проходной двор!

Вельможа ничего не ответил – должно быть, потерял дар речи.

В этот миг Хаста принял решение – немедленно отправиться к верховному жрецу и, буде он не в государственной тюрьме, подробно описать ему все случившееся. Святейший Тулум должен об этом узнать – и свидетель молчать не станет!

– Да, пойдемте, – еле слышно прозвучал голос вельможи. – Обопритесь о мою руку, учитель...

– Вот это да, – чуть слышно прошептал Хаста, когда неведомый вельможа и оба его сопровождающих скрылись из садового домика. – Спасаясь от мух, я угодил прямо в осиное гнездо!

Шаги стихли. Хаста, рискуя быть замеченным, осторожно свесился с балки. Но сколько ни пытался он разглядеть уходящих, видны были только нижний край длинного, расширенного золотыми нитями плаща царедворца да простые кожаные сандалии жреца, привязанные парой длинных ремешков крест-накрест под самые колени. Такие обычно носили гонцы и военные слуги, следующие за знатными всадниками в бою.

Хаста жадно всматривался, стараясь запомнить каждую приметку, что-то необычное, по чему можно будет потом опознать заговорщиков. Пожалуй, ни одной броской зацепки... Впрочем, нет – цвет жреческого одеяния! В столице никто, кроме последних нищих, не наденет накидку столь грубого оттенка – тусклого, почти бурого. Такую одежду обычно носят далеко от этих мест, на севере, – вываривают ее с луковой шелухой. А что делать, если красителя получше там не сыскать? Северяне всегда были небогаты, а в последние годы обнищали окончательно. По всему выходило, что старый жрец прибыл с севера. Да он и сам упомянул, что ехал через Бьярму. Откуда? Только из Белазоры, главного города полных земель на берегу Змеева моря, где находится великий и древний, почитаемый всеми Северный храм – второй по значению в Аратте.

«Кто же, интересно знать, из моих земляков пожаловал сюда? Возможно ли поверить, что заговор против Ардвана зародился среди жрецов Полночного Солнца? Что могло подвигнуть северных служителей Исвархи, день и ночь занятых попытками вымолить у Господа милость к своей несчастной земле, поднять голову к небу и пожелать земному Солнцу затмения?»

Хаста снова вспомнил грубую накидку и усомнился в своей наблюдательности. Разве смог бы нищий жрец из земель, где собственный огород в сотню локтей уже считается помещением, подняться до столичных дворцов? Да такого жалкого старичка из чужедальных мест, пусть даже и красноречивого, не пустили бы дальше ворот Верхнего города!

Огнехранитель вспомнил, как тот одним словом заставил стражей сгореть заживо, и содрогнулся. Кто знает, на что еще способен этот страшный старец? Какие силы за ним стоят?

Как бы то ни было, следует поскорее сообщить святейшему Тулumu обо всем услышанном и увиденном.

Хаста выждал еще какое-то время, прислушался, не бродит ли кто-нибудь по саду, и, убедившись, что все тихо, быстро соскользнул с балки вниз.

* * *

Путь до ограды не занял у него много времени. Но едва Хаста приготовился подпрыгнуть и уцепиться за ее верхний

край, как по ту сторону стены послышалось бряцание оружия и шаги нескольких человек.

«Должно быть, стража возвращается! Наверно, кто-то слышал крики и доложил, или те спохватились, что воины долго не возвращаются... Поспешил!»

Он не успел ничего придумать, как за стеной послышались голоса.

– Куда это вы? – спрашивал кто-то.

– К крепости накхов, – с неохотой отвечал ему собеседник. – Там накхи восстали.

– Что?! Как – восстали?

– Да кто их знает! Примчался гонец из дворца. Требуется всех, кто имеет в городе боевых слуг, немедленно прислать их к воротам. Ну хозяин-то тоже не дурак – ежели накхи восстали, то смысла их из крепости выкуривать или выбивать никакого. Сказывают, они, пока там сидели, всю гору тайными ходами изрыли. Мы их туда ловить пойдем, а они откуда ни возьмись посреди нашего двора вылезут! Как же тут дом без охраны оставить? Вот хозяин нас четверых и послал – мол, сколько может, – а прочих дома оставил... Да и другие, я уверен, так же сделают. Ладно, время идти...

Хаста старался не дышать, чтобы не привлекать к себе внимания. Значит, вот как! Похоже, на Ширама сейчас надеяться не стоит. Ему самому готовы накинуть на горло петлю.

Да что же вообще происходит в столице?

Он прижался лбом к холодному камню стены, желая унять

чересчур громко бьющееся сердце. В любом случае надо пробраться в храм. И сообщить Тулуму обо всем услышанном.

Дождавшись, когда шаги стихнут, Хаста перебрался через стену и перебежками, прячась за буйными зарослями винограда, увивавшими изгороди, направился в сторону величественного здания, блиставшего золотым куполом так, что было видно за полдня пути.

За распахнутыми настежь высокими воротами взорам открывался почти нестерпимо великолепный главный вход в храм Солнца. Он должен был воплотить для верующих представление о Доме Песен – небесной обители Исвархи.

Наверху, над распахнутыми дверями храма, – золотой диск солнца, сияющий, словно царский венец с двенадцатью лучами, ибо именно в таком облике является простым людям господь Исварха, а прочего им знать незачем.

Чуть ниже изваяны в камне и ярко раскрашены Святые Огни – семь великих небесных сущностей, таких как Премудрость, Вера и другие непреложные истины.

Под ними статуи поменьше – Святые Искры, семьдесят семь праведных душ, что и после смерти продолжают творить добро во славу Исвархи.

Ниже ими попирается сам царь злых дивов Храваш и его храштры – всяческая нечисть, что любит вселяться в кусачих пауков, мух, ос, змей и многоножек.

Только прародитель всей этой нечисти, Первородный

Змей, не удостоился чести быть вырезанным в камне на воротах храма. Лишь дважды в год, во время летнего и зимнего солнцеворота, его чучело торжественно сжигается на костре посреди просторной, вымощенной белым камнем площади.

Хаста радостно глядел на золотые врата, на раскрашенные фигуры Святых Огней и страшных многоножек. Вот он, родной дом! За свою жизнь у рыжего жреца были сотни случайных обиталищ, но лишь здесь о нем кто-то заботился, здесь он был кому-то нужен...

Он невольно ускорил шаг, устремляясь в крикливую толпу, которая неведь почему скопилась перед внешними вратами, ведущими в просторный внутренний двор. Врата эти охраняли огромные изваяния праведных дивов с огненными мечами, являя плохим, неправедным дивам пример того, что даже буйные дети дикого пламени могут не враждовать с Исвархой, а с радостью служить ему.

Но, протолкнувшись вперед, Хаста резко сбавил шаг, а потом и вовсе укрылся за чьей-то могучей спиной. Сегодня вход в храм охраняли не только дивы!

У ворот, внимательно вглядываясь в лица каждого, кто пытался пройти внутрь, прохаживались люди в доспехах. Хаста, как ни силился, не мог разглядеть знаков на их плащах. Но одно было ясно – это была не храмовая стража.

Глава 8. Мятежник

Всадник на караковом жеребце промчался по главной улице Верхнего города, заставляя прохожих шарахаться к стенам домов. И в обычное время никто особо не желал сталкиваться с накхом, а уж тем более с конным воином, летящим во весь опор. Не многие прохожие успели заметить замотанную в темный плащ ношу, перекинутую поперек седла знатного воина. Если бы у них было чуть больше времени, чтобы разглядеть его добычу, они, возможно, подняли бы крик. Но всадник мчался чересчур быстро, и никто из разбежавшихся прохожих не узнал младшую дочь солнцеликого государя.

Свернув в проулок, ведущий к входу в угловатый дом-крепость накхов, Ширам быстро спешился и, вскинув царевну на плечо, сделал знак караульным опустить мостки. Мармар встретил его у входа.

– Кто это, брат? – удивленно глядя на девушку, спросил он.

– Моя будущая жена.

Мармар взгляделся в лицо похищенной и отшатнулся.

– Царевна Аюна? – ошеломленно уточнил он.

– Да, она самая. Дочь повелителя, – с раздражением подтвердил Ширам. – Пропусти меня. Я намерен перенести ее в сад.

– Но почему... – недоуменно выдавил саардас. – Почему она здесь? Что ты с ней делаешь?

– Государь обещал мне ее. Значит, она моя. Я выполнил то, что он мне поручил! – Ширам возвысил голос. – Я рисковал жизнью столько раз, что в конце концов смерть уже просто отмахивалась от меня! И вот сегодня государь мне в глаза объявил, что я мятежник! Что я убил его людей и заодно с теми заговорщиками, головы которых скучают по своим телам там, внизу. – Он повел подбородком, указывая в сторону городских ворот.

Мармар побледнел:

– Но то, что ты делаешь сейчас, – и впрямь измена.

– Я забрал свое. – Саарсан шагнул вперед, мимо Мармара, который молча посторонился, и, не останавливаясь, прошел во внутренний сад крепости накхов. – В чем же ты тут увидел измену?

– Похищение дочери государя, по-твоему, не мятеж?

– Ну что ты, брат! Я лишь оправдываю ожидания повелителя, – съязвил Ширам. – И забираю свою законную собственность.

– Ты не смеешь этого делать! – Саардас нахмурился и заложил пальцы рук за широкий кушак с острыми бронзовыми наконечниками, свисавшими на длинных кистях.

– Да ну! Я уже сделал это. Но ты, брат, должно быть, забыл, – продолжал Ширам, поворачиваясь к нему, – что договор, который некогда заключили саары двенадцати великих

родов с предком нынешнего государя, ясно гласил: верность и доблесть в обмен на справедливость и благоволение. И до сего дня никто не пытался нарушить этот уговор. Никогда и ни разу! А сегодня Ардван, должно быть упившись кровью казненных заговорщиков, пожелал забыть о справедливости. Но я не пес, которого можно пнуть ногой, чтобы сорвать дурное настроение! Я – саарсан накхов! А поскольку палка всегда о двух концах, то я здесь. И она тоже здесь. – Ширам тряхнул замотанную в темный накхский плащ девушку и положил ее на каменную скамью на берегу рукотворного пруда.

– Что ты с ней сделал? – тихо, будто через силу, спросил Мармар.

– Ничего. Слегка придушил, чтобы не орала.

Мармар поглядел на него с ужасом.

– Ты понимаешь, что натворил? – все так же тихо проговорил он. – Теперь все накхи, что служат нашему повелителю, будут считаться мятежниками! Я дал тебе убежище, и наши законы не позволили бы тебя выдать, даже если бы ты был не саарсаном, а обычным гостем...

– Но я саарсан! – Ширам резко придвинулся к брату. – Я ваш правитель, если ты вдруг забыл. Если договор, соединявший наши народы, разорван по вине государя, то его больше нет. А значит, я твой повелитель, и никто другой!

– Да, это так, – глухо подтвердил молодой маханвир Полночной стражи. – Ты глава всех двенадцати великих родов, и всякий накх обязан тебе повиноваться. Но что делать с клят-

вой верности, которую приносят воины личной стражи?

– Я освобождаю тебя от нее.

– Это невозможно, – темнея лицом, ответил Мармар. – Я давал ее государю Ардвану, и лишь он может освободить меня. По закону я должен заключить тебя под стражу и вернуть царевну во дворец.

Ширам сверкнул глазами и выпрямился:

– Что ж, поступай так, как тебе велит долг!

Тишина повисла в саду. Было лишь слышно сбивчивое дыхание людей да жужжание насекомых над благоухающими цветами. Царевна Аюна, которая уже пришла в себя и лишь притворялась беспамятной, а сама внимательно слушала разговор двух наххов, приоткрыла глаза и с надеждой устремила взгляд на молодого воина. Неужели спасение близко?

– Позволь мне удалиться, – почти шепотом выдавил Мармар.

– Ты мне нужен здесь! – рявкнул Ширам.

– И все же мне нужно уйти.

– Хорошо, ступай, подумай. Но недолго. Я жду твоего возвращения.

– Благодарю тебя, мой повелитель.

Запинающимся шагом саардас направился к выходу из внутреннего сада. Едва он вышел, девушка распахнула глаза, рывком села на скамье и закричала не сдерживаясь:

– Ну что, увидел? Даже свои бросают тебя! Никто не даст

тебе убежища! Сейчас он вернется со стражей. И солнце еще не взойдет, как твоя голова слетит в корзину палача! Ненавижу тебя!

Царевна запнулась, не зная, как побольнее уязвить мятежного накх. Никто в жизни так не пугал ее, как он сегодня, и никто еще не приводил ее в такую ярость. Да как он посмел похитить ее? Как он вообще посмел к ней прикоснуться без ее дозволения?! А то, что теперь он лишь молча смотрел на нее, словно не удостоивая ответом, злило еще сильнее.

– Думаешь взять меня в жены силой? Никогда! У меня уже есть возлюбленный! – выпалила она, пьянея от собственного бесстрашия. – Он оторвет тебе голову, когда узнает, что ты сделал!

– О ком ты говоришь? – изумленно спросил Ширам.

– Об Аоранге! – заявила царевна, любясь выражением его лица. – И знаешь, хоть он и мохнач, но куда умнее, сильнее и храбрее тебя! А ты лишь двуногий змей, выродок и среди людей, и среди ползучих гадов...

За воротами сада послышался какой-то шум.

– Вот, слышишь? – обрадовалась царевна. – За тобой уже идут!

Ворота медленно раскрылись, и на тропинке, ведущей к скамье, появился накх. Он шел, опустив голову. На вытянутых руках его лежал свернутый плетеный кушак с бронзовыми остриями – знак власти маханвира Полночной стражи.

– Повелитель... – чуть не плача, проговорил накх, скло-

няясь перед Ширавом. — Мы безропотно повинемся тебе. Доблестный саардас Мармар, умирая, велел передать тебе знак своей власти.

— Умирая?!

— Да. Он убил себя. Веди нас, саарсан.

* * *

На челе государя Ардвана, властелина и живого бога Аратты, лежала туча мрачной задумчивости. Он глядел на любовно сделанный его мастерами сильно уменьшенный Верхний город. Дворец, вырезанный из мамонтовой кости, покрытый тонкими пластинами бирюзы и оттого напоминающий летнее небо; дома знатных арьев с колоннадами из красной яшмы, окруженные крошечными деревцами; и похожий на свернувшегося ежа квартал накхов. Куда бы государь ни кинул взгляд, вместо изящной резьбы и лазурных изразцов были голые каменные стены с узкими оконцами бойниц — не подберешься ниоткуда к цитадели Полночной стражи. Всюду идущего встречают острые углы и слепые стены, так что, подходя к ним, неминуемо окажешься зажатым с двух сторон...

Произошедшее сегодня никак не укладывалось в голове Ардвана. В первый миг, услышав о ярости Ширама, убийстве стражников и похищении царевны, государь лишился дара речи, не желая верить услышанному. Что это нашло на

саарсана?

Да, государь в самом деле был до крайности взбешен утренним разговором с Аюной; да, он вспылил – ну и что такого? Бывший Хранитель Покоя даже под пыткой продолжал обвинять накхов во всех грехах. Все, чего хотел Ардван, беседуя с саарсаном, – лично убедиться, что Ширам ему верен и все это лишь наветы врага. Несколько месяцев службы в отдаленной крепости – и Ширама можно было бы вернуть в столицу, вновь приблизить, объявить, что он искупил вину... В конце концов, обещание обещанием, но потерять в чужих землях, да еще и в мирное время, семь десятков человек, из них – полторы дюжины арьев Полуденной стражи, – ну как тут не заподозрить злой умысел?

Кроме того, это позволило бы выиграть немного времени, чтобы обуздать упрямую Аюну. Государю не верилось, чтобы царица в самом деле могла завести шашни с полудиким любимцем его брата; в любом случае это не имело значения. Но вот то, что она так твердо и внезапно вздумала расторгнуть столь нужную для государства помолвку – это даже подозрительно... Уже не подбивает ли ее на это кто-нибудь?

Ему вдруг вспомнилась мать Аюны, до отвращения сходная с дочерью видом и нравом. А ведь когда-то он так любил ее... Тайна, окружавшая последний год ее жизни, осталась сокрытой от мира. Ардван гнал от себя воспоминания о тех, уже далеких временах, но они возвращались и тревожили его. Да как только Аюна посмела напомнить ему о тех

ужасных событиях? Стоило бы наказать ее за непокорство! Но теперь перед ним другая задача – вызволить дочь у накхов.

Он горестно вздохнул и вновь уставился на тонко вырезанные домики игрушечного города.

– Продолжай, – приказал он.

Глава Полуденной стражи, скромно стоящий рядом с длинной тростью в руках, вернулся к своему докладу, указывая на улицы и дома столицы и описывая повелителю соотношение сил. То, что слышал сейчас Ардван, не давало повода для радости. Полуденная стража имела ровно ту же численность, что и Полуночная. Кроме этого, во дворце имелись четыре дюжины стражей порядка, да и в самом Верхнем городе можно было призвать к оружию некоторое количество арьев.

Но вот в чем беда – после недавних казней от такого воинства можно ожидать любого подвоха. Покуда накхи были на стороне государя, каждый вельможа легко мог предположить, что, даже собери он всю родню и поставь под оружие слуг, накхи придумают, как тайно пробраться в его дом и убить мятежника. Сегодня же произошло небывалое – мятежниками стали сами накхи.

– Дело осложняется тем, – говорил маханвир Полуденной стражи, – что крепость накхов держит на замке единственные ворота Верхнего города. Никто не может ни войти, ни выйти. Но есть и добрая весть – лучники прострелива-

ют «туннель смерти», так что Ширам тоже не может рассчитывать на подкрепление. Было бы хорошо разобрать кладку священных ворот – тогда бы подкрепление могло пройти через них...

– Это богохульство, – сумрачно отозвался Ардван.

– Увы, – развел руками глава стражи, – но, если саарсан призовет накхов, обитающих в Нижнем городе, наш перевес в силе окажется менее чем в три раза. Этого недостаточно, чтобы взять приступом их крепость. Также необходимо собрать камнеметы, а оружейники тоже обитают в Нижнем городе. Но если светозарный прикажет, я, конечно, пойду в бой первым...

Ардван молчал. Он сам был опытным воином и понимал, что маханвир говорит правду. Но признавать необходимость вести переговоры, тянуть время и оскорблять богов ради возможности скопить достаточно сил, чтобы стереть с лица земли гнездо мятежников, – эта мысль казалась ему недостойной государя Аратты. К тому же Ардван отлично понимал – стоит начать разбирать кладку священных ворот, поднимется такой шум, что накхи узнают об этой попытке в тот же день. А узнав, сообразят, что все переговоры – просто обмен пустыми словами. А уж сообразив, того и гляди вышлют своих неуловимых лазутчиков, знающих к тому же дворец как свои пять пальцев – недаром они много лет несли здесь службу...

Решится ли Ширам на такой шаг? Может, и решится... Во

всяком случае, если почувствует, что ему готовят западню. «Это значит – держать волка за уши», – припомнилась ему местная поговорка. Так говаривал старый охотник, возглавлявший когда-то его собственную Охоту Силы.

Ардван хотел вспомнить, что еще говорил старый ловчий. В его словах всегда была острая наблюдательность и мудрость. Но тут в покои, отпихнув стражников, ворвался Аюр.

Он был бледен, волосы его разлохматились, глаза горели неведомой ранее яростью. Быстро подойдя к Ардвану, он замер перед ним, будто только сейчас увидел его.

– Что ты наделал, отец?! – сжимая и разжимая кулаки, свирепо прошипел он.

Ардван на миг застыл, потом сделал маханвиру и стоящим у дверей стражникам знак выйти, после чего свирепо уставился на сына.

– Как ты посмел врываться ко мне подобным образом? – сдерживая гнев, тихо спросил он. – Или ты совсем одичал в землях мохначей? Я тебя не призывал!

– Меня призвала справедливость, – дерзко ответил царевич. – Мой учитель-жрец когда-то говорил, что ее имя звучит наравне с богами! Отец, утром я рассказал тебе, как много сделал Ширам, чтобы спасти меня от гибели. О том, как он жертвовал собой без надежды на счастливый исход... Я привел к тебе лучшего воина Аратты, не просившего себе наград, хотя и заслужившего их больше, чем кто другой! И как ты его вознаградил, добрый и справедливый государь?!

Повелитель глядел на сына молча, плотно сжав губы. Рассказать ему о том, что устроила нынче утром Аюна? Или, может быть, пойти с ним в хранилище свитков и зачитать десятки свидетельств против накхов, полученные от бунтовщиков?

— Прежние заслуги Ширама, если они и были, потеряли всякое значение, — холодно ответил наконец Ардван. — Теперь он изменник, убийца и похититель твоей сестры. А сейчас уйди, не мешай мне думать, как спасти ее...

— Ах вот как ты рассудил? — резко проговорил Аюр. — Что ж, как знаешь!

Он направился к выходу, но остановился на пороге и повернулся к государю.

— Из-за того, как ты обошелся с Ширамом, уже погибло четверо воинов. И погибнет неизмеримо больше. Ты саму нашу державу ставишь под удар! — закричал он. — Да-да, я все уже знаю! Я говорил со слугами. Так вот — я сейчас отправляюсь к Шираму. И буду умолять его, как друга, вложить оружие в ножны. Я стану его щитом. А если ты посмеешь хоть пальцем его тронуть, у тебя не останется наследника! — И царевич выбежал из зала.

— Остановите его! — рявкнул Ардван.

Но было поздно. Должно быть, наследник престола загодя предусмотрел возможность погони, и через считанные мгновения ржание коня возвестило о том, что Аюр покинул дворец.

Ширам, не мигая, глядел в сгущающийся над городом сумрак. Сквозь бойницу тянуло вечерней свежестью. С улицы слышались звуки труб и крики стражи на стенах. Верхний город бурлил, невзирая на поздний час. Придворные спешили укрыться в своих роскошных городских поместьях и с великой неохотой отдавали воинов своей стражи. Ардван собирал все имевшиеся у него под рукой силы.

Вряд ли он полезет на приступ прямо сейчас. Что и говорить, в осадах, камнемётных машинах, подкопах – во всем, что касалось взятия городов и крепостей, – арьям не было равных. Но всякий раз, когда нужно было идти в пролом, посылали накхов – потому как кто лучше их мог сражаться в узких дымных коридорах, на стенах и в темных подвалах?

Но сейчас роли переменились. И как думает Ардван решать эту задачу? Подкреплений ему ждать неоткуда. Может, надо ударить самому, не дожидаясь, куда власти-тель сумеет подтянуть войска?

Шираму вдруг стало необычайно тошно от этих мыслей. Сотни лет его предки служили примером верности Солнечной династии. Сам он начал свой путь с того, что спас от рук убийцы того самого государя, против которого теперь готовится поднять оружие. Как такое могло случиться?

Ему вспомнилось пылающее гневом лицо царевны, ее

яростные, оскорбительные слова... В этот миг она была несказанно хороша, и саарсан невольно любовался ею. Да, она должна быть одной из его жен, потому что это правильно, и он будет ей хорошим мужем. Но все то, что произошло сегодня во дворце, – стоит ли того ее красота и родовитость? «Не царевна причиной всему, а только несправедливость государя», – подумал Ширам.

Он угодил в западню, и накхи, того не желая, вместе с ним. «Что же теперь будет? – с тоской думал он, слушая тревожные завывания труб. – Мог ли я терпеть оскорбления как человек, как воин и саарсан? Нет, не мог... И вот теперь там, под стенами, в Нижнем городе, сотни накхов, которых сейчас попытаются захватить, а может, и убить – лишь потому, что я решил отстаивать свою честь... Разве я взбунтовался? Нет, конечно нет! Я лишь требую справедливости – к себе и к моему народу. Но если там, внизу, сейчас начнется резня... Быть может, выйти навстречу Ардвану и бросить к его ногам оружие? Показать, что я не боюсь ни гибели, ни пыток, что я готов умереть за свою правоту?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.